

ФИТНЕС ДЛЯ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Фитнес для Красной Шапочки
Серия «Авантюрный детектив»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123483

Т. Полякова Фитнес для Красной Шапочки: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07347-7

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

98

Татьяна Полякова

Фитнес для Красной Шапочки

– Очень сожалею, – сказал он и виновато улыбнулся, а я торопливо поднялась и шагнула к двери. – Полина Владимировна, – окликнул он, я повернулась, и мой шеф, пряча глаза, со вздохом добавил: – Я действительно очень сожалею.

Я пожала плечами и вышла, стараясь выглядеть довольной жизнью, дошла до своего кабинета, захлопнула дверь и грязно выругалась. Я только что лишилась работы.

Шеф вызвал меня десять минут назад и, чувствуя себя, как уж на сковородке, заявил, что фирма испытывает трудности и сокращение штата неизбежно, а так как я пришла к ним недавно... ну, и прочее в том же духе. Говорить все это ему было неловко, и он, скорее всего, действительно сожалел, только мне от его сожалений радость небольшая.

– Вот дерьмо, – пробормотала я, достала из шкафа коробку и принялась складывать в нее свои вещи.

Дела в фирме шли прекрасно, и никаких сокращений не предвиделось. Меня выставили просто потому, что я в этом городе в черном списке. Возможно, никакого списка вовсе и нет или он состоит из одной моей фамилии, но то, что работы в родном городе я не получу, совершенно очевидно. А я-то надеялась, что после пятилетнего отсутствия смогу жить

спокойно. И вот такое многообещающее начало...

Коробка заполнилась наполовину, когда дверь приоткрылась и в кабинет заглянула Ольга Шевцова. За три недели, что я здесь работала, мы успели подружиться, и выражение тихой печали пополам с недоумением на ее лице меня ничуть не удивило.

– Ты куда собираешься? – почему-то шепотом спросила она.

– Меня уволили, – ответила я, продолжая сборы.

– За что?

– По сокращению штатов. Фирма испытывает трудности... И все такое...

– Он так сказал? – нахмурилась Ольга.

– Ага.

– Он спятил. Какие трудности? Что за бред?

– Если очень интересно, спроси у него.

Ольга присела на краешек стула и, все еще хмурясь, заявила:

– Ты хороший специалист.

– Надеюсь.

– И у нас нет трудностей.

– Наверное.

– Но тебя уволили. Он что, приставал к тебе?

– Нет.

– Нет? Тогда с какой стати...

– Слушай, – разворачиваясь к ней, сказала я, – меня уво-

лили. Официальную версию ты знаешь, а обо всем остальном мне ничего не известно. — Я, конечно, лукавила, ибо истинную причину увольнения знала наверняка, а не просто догадывалась. Но посвящать в свои дела Ольгу я не желала, не потому, что очень скрытная по натуре, а по той простой причине, что помочь Ольга мне не сможет, чего ж тогда понапрасну загружать человека своими проблемами. Сборы я закончила, накинула куртку и, подхватив коробку, шагнула к двери.

— Что, вот так сразу и уйдешь? — спросила Ольга.

— Если меня уволили, я не обязана сидеть здесь целый день. Пока.

— Я к тебе после работы зайду. Ладно?

— Заходи. — Держа коробку под мышкой, я вышла в коридор и, на прощание кивнув Ольге, направилась к выходу.

Оказавшись на улице, я преодолела несколько десятков метров до парка и хлопнулась на ближайшую скамью. Тяжко вздохнула и потянулась за сигаретами. Очень хотелось зареветь, говорят, слезы приносят облегчение, только выглядеть это будет довольно нелепо: сидит девица в парке в обнимку с коробкой и рыдает.

— Ну и черт с ним, — пробормотала я, но относилось это не к моему внешнему виду, а к открывающимся передо мной перспективам.

В другой ситуации я бы особо переживать не стала, потому что специалист я действительно хороший и работу непре-

менно бы нашла, только что толку, если недели через три-четыре после этого все, что произошло сейчас, повторится? Очередной шеф вызовет меня и заявит, что ему очень жаль. Я опять вздохнула, бросила сигарету и, подхватив коробку, побрела домой.

Неужели вновь придется уезжать из родного города? Скорее всего так оно и будет...

Несчастья мои начались семь лет тому назад. В то время я была юной девушкой с нездоровой склонностью к романтизму, этакой Красной Шапочкой. Склонность эта сыграла со мной злую шутку. В дождливый сентябрьский вечер я отправилась на прогулку со своей собакой по кличке Молчун, толкнула железную дверь подъезда и в то же мгновение услышала автоматную очередь. Само собой, тогда я еще не знала, что это такое, и, честно скажу, слегка обалдела, наблюдая, как в дверном проеме передо мной, точно на экране, разыгрывалась классическая сцена из боевика: в трех метрах от двери «Мерседес», изрешеченный пулями, влетел в дерево, а по соседству – мотоцикл и двое парней на нем. У того, что сидел сзади, как раз и был в руках автомат. Надо сказать, что рядом с нашим домом находился ночной клуб и во дворе устроили стоянку для автомашин, после чего назвать двор спокойным никому бы в голову не пришло. Но *это* было все-таки слишком.

Разумный человек поспешил бы скрыться в подъезде или

завизжал бы, на худой конец, от ужаса и неожиданности, а я... я рывкнула: «Молчун, вперед!», и собака, появившись из темноты, прыгнула на автоматчика и вышибла его из седла.

Водитель рванул с места, но, как видно, не хотел бросать товарища и, достигнув угла дома, начал разворачиваться. Можно с уверенностью сказать, что в тот момент я действовала абсолютно бессознательно, потому что даже страха не чувствовала. Я просто надеялась, что выстрелы услышали и сию минуту, точно по волшебству, появится милиция и все это моментально прекратится. Милиция не появлялась, зато дверь «Мерседеса» распахнулась, и я увидела мужчину, он сделал шаг, упал, с трудом приподнялся, а я бросилась к нему. Пока Молчун сидел верхом на стрелке, водитель мотоцикла стремительно приближался, а я оказалась рядом с раненым и попыталась помочь ему добраться до подъезда. Однако роль санинструктора оказалась мне не по силам: парень был слишком тяжелым, и дотащить его до подъезда прежде, чем мотоциклист окажется в опасной близости, я не могла и опять же в беспамятстве подхватила автомат, который валялся у моих ног, и, не раздумывая, пальнула. От грохота заложило уши, а я едва удержала автомат в руках. Но толк от всего этого был – парень на мотоцикле поспешил удалиться, а я, с автоматом в одной руке, второй поддерживая раненого, ринулась к подъезду. Лишь только мы достигли убежища, я крикнула: «Молчун, ко мне!», собака влетела в подъезд, и я захлопнула железную дверь.

И тут силы меня оставили. Раненый сполз по стене, и я вместе с ним. Вцепившись Молчуну в ошейник, я отчаянно завопила: «Помогите!», а Молчун завыл. Когда из квартир высыпали соседи, их ожидало дикое зрелище: окровавленный парень без сознания, я в столбняке, в грязи и чужой кровище и мой верный пес с пеной у пасти. Вызвали милицию, «Скорую»... Меня увезли вместе с раненым, в попыхах не разобрав, что я жива-здорова, сама я пребывала в шоке и внятно объяснить, что произошло, не могла. Молчуна моя мама, прибежавшая на крики, заперла в квартире, а сама поехала с нами. Позднее выяснилось, что у «Скорой» в тот вечер был еще один пациент, тот самый стрелок, изрядно помятый Молчуном. Вот в такой компании я и оказалась в больнице.

Милицейские чины пребывали в недоумении, потому что ничего объяснить я так и не смогла, меня отправили в палату, не обнаружив, к радости моей мамы, никаких увечий. Но тем не менее состояние мое, несмотря на это обстоятельство, было хуже некуда. Я таращила глаза и не могла произнести ни слова. Однако к утру пришла в себя, и в палате появился молодой мужчина в штатском, представился и начал задавать вопросы. Когда все понемногу прояснилось, он выглядел не лучше, чем я накануне, – так его потрясло мое поведение. В милиции-то поначалу решили, что дело выглядело так: я пошла гулять с собакой и, услышав выстрелы, из подъезда не выходила, а вот Молчун выскочить успел, ране-

ный же добрался до подъезда сам, прихватив автомат. Мне бы следовало придерживаться этой версии, но я оказалась не только глупой, но и правдивой, и рассказала, как все оно было, вызвав у молодого человека подозрение в моей нормальности.

К обеду я пришла в себя настолько, что было решено: необходимость в моем пребывании в больнице отсутствует. И тут моя мама, которая, несмотря на возраст, тоже тяготела к романтизму, заявила, что я просто обязана навестить спасенного мною мужчину, тем более что он находится в реанимации по соседству. И я пошла. В общем-то, в реанимации посещения запрещены, но для меня сделали исключение.

Я вошла и увидела на постели парня лет двадцати семи с бескровным лицом, тонкими губами и тяжелым подбородком. Не испытывая никаких чувств, я приблизилась, постояла немного и, решив, что выполнила свой долг, собралась уходить. Он вдруг открыл глаза, посмотрел на меня, губы его дрогнули, он вроде бы улыбнулся и с трудом протянул мне руку. Я ее пожала, а он прошептал:

– Привет.

После чего отключился.

Я поторопилась покинуть палату. В нескольких метрах от нее в похожей палате лежал вчерашний стрелок, возле двери дежурил мужчина в форме. Он сидел на стуле, листая журнал, а увидев меня, весело заметил:

– Ну ты даешь...

– Ага, – кивнула я и побрела к выходу, где меня ждала мама.

Сутки я спала и еще двое мало реагировала на окружающую действительность, а потом начала проявлять к ней интерес. Первым делом выяснилось, что стрелок скончался. Это здорово напугало и меня, и маму, маму даже больше, коли в больнице парень оказался благодаря нашему Молчуну. Но претензий нам никто не предъявил, более того, милиция встреч с нами не искала, а сосед Пашка Демьяненко, которому до всего было дело, трагическим шепотом поведал мне, что киллера «кокнули», и собачка здесь вовсе ни при чем.

– Кто его кокнул? – возмутилась я.

– Кто послал, тот и кокнул. Соображать надо.

– Его же охраняли, – не унималась я, припомнив дядьку с журналом.

– Не смейся, – хмыкнул он презрительно. – Охраняли... вот и доохранялись. Короче, парень скончался, и теперь концов не найдешь.

– Каких концов? – перепугалась я.

– Ну, это так говорится...

Его слова мне ужас как не понравились и я хотела побыстрее забыть о происшедшем, однако, когда мама сказала: «Надо бы тебе его навестить», я покорно побрела в больницу, хоть и не сразу поняла, о ком идет речь, и даже спросила:

– Кого?

– Как кого? Этого молодого человека. В конце концов, ты

ему жизнь спасла и просто обязана...

Это было не очень понятно: раз я спасла ему жизнь, а не он мне, чем же я тогда обязана? Но с мамой я никогда не спорила, у нее своя логика.

Парня после двух операций успели перевести из реанимации в палату, возле которой расхаживали два неприятных молодых человека, которые, однако, без вопросов пропустили меня к больному. «Видно, Пашка не совсем дурак, – подумала я, – одного милиционеры прошляпили, теперь и этого сторожат».

Я постучала в дверь, вошла и увидела еще одного молодца, который сидел на стуле, но, заметив меня, поднялся и, кивнув, покинул палату. Я перевела взгляд на спасенного. Выглядел он неважно, но смотрел весело. Улыбнулся и как в первый раз сказал:

– Привет.

Протянул руку, и я ее пожала, ответив:

– Привет. – И вдруг подумала, что не знаю, как его зовут. То есть мне говорили, конечно, да я не запомнила. Вроде бы бизнесмен и богатый человек, хотя у Пашки была своя версия, не насчет богатства, а насчет бизнеса, но и он об этом говорил весьма туманно, так что я сразу заподозрила: ничего он толком не знает, а просто выдумывает.

Между тем парень смотрел на меня и улыбался, а я чувствовала себя крайне неловко. Ну вот я пришла, и что дальше? Сказать мне ему нечего, да и вообще... Я определила

цветы, которые принесла, в вазочку, а кисть винограда на тарелку и собралась прощаться, но уйти сразу было как-то неловко, и я спросила:

– Как ваше здоровье?

– Нормально. Скоро выберусь отсюда.

– Замечательно, – промямлила я, – очень рада.

Он улыбнулся шире и вновь взял меня за руку, минуты две таращился на меня, вгоняя в тоску, а потом заявил:

– Спасибо тебе.

– За что? – не придумала я ничего лучшего.

– Как за что? – засмеялся он. – Ты мне жизнь спасла. Долг платежом красен.

– Ничего вы мне не должны, – ответила я испуганно. – Я вообще не хотела... то есть все нечаянно получилось...

– Ты сядь, – кивнул он на стул рядом. – Расскажи о себе.

– Да мне уже пора, – заволновалась я. – Я только на минутку, узнать, как у вас дела. Я пойду, ладно?

– Тебя Полиной зовут? – спросил он, все еще держа мою руку.

– Да.

– А меня Николай.

– Очень приятно.

– Мне тоже, – засмеялся он.

– Я пойду, мне в институт.

– Где учишься?

– В экономическом. Вы извините, мне правда пора идти.

До свидания, — неловко высвободив свою ладонь, я попятилась к двери.

— До свидания, — сказал он и добавил: — А ты отчаянная.

— Это не я, это Молчун. Собака. Это он вас спас.

— Привет ему.

— Обязательно. Выздоровливайте.

— Скоро встретимся, — заверил он.

Я выскользнула в коридор, испытывая странные чувства. В основном они сводились к злости на маму. Ну с какой стати она решила, что я должна его навещать? По-моему, выглядело это по-дурацки... К досаде на себя примешивалось беспокойство: парень мне не нравился. Было в нем нечто настораживающее, что ли... И я дала себе слово, что ноги моей больше здесь не будет, что бы там мама ни говорила.

Время шло, и я понемногу начала забывать о случившемся, то есть я, конечно, все прекрасно помнила, но теперь думала о происшедшем без дрожи душевной, как-то отстраненно, будто и не со мной все это произошло. Так продолжалось около месяца, пока однажды, подходя к своему дому, я не заметила возле подъезда новенький «Мерседес». Дверь его открылась, и очам моим предстал спасенный Николай с сияющей улыбкой на устах. На недавнее нездоровье в его облике ничто не намекало, бледность сменил румянец, но физиономия от этого приятнее мне не показалась, а беспокойство лишь усилилось, потому что стало ясно: здесь он появился неспроста.

– Привет, – по привычке сказал он, шагнув навстречу, и протянул руку, я протянула свою, но он не пожал ее, а поцеловал, я же покраснела, злясь на себя за это, но тут уж ничего не поделаешь: ранее к моей руке никто не прикладывался, было это мне в диковинку и оттого смутило.

– Здравствуйте, – ответила я, пряча руку в карман пальто.

– Рад тебя видеть.

Я рада не была и поэтому ничего не ответила. Парень смотрел и проникновенно улыбался. Стоять столбом посреди двора было нелепо, и я спросила:

– Как вы себя чувствуете?

– Отлично. Вот приехал в гости. В квартиру пригласишь?

– Пойдемте, – пожала я плечами.

Мама должна прийти только в пять, и гость мне был ни к чему, но отказать ему я сочла невежливым. Мы поднялись на третий этаж, я открыла дверь и вошла первой. Молчун бросился мне навстречу, увидев гостя, он замер, настороженно поглядывая на него.

– Спокойно, – сказала я и потрепала пса по загривку.

– Шикарный зверюга, – заметил Николай, опускаясь на корточки. – Так это ты проявил чудеса героизма?

– Он. Идемте на кухню, я вас чаем напою.

Мы прошли на кухню, я поставила чайник на плиту и собрала на стол, не сказав при этом ни слова. Молчание гостя меня отнюдь не тяготило, он чувствовал себя вполне комфортно, смотрел на меня, продолжая улыбаться.

– Расскажи о себе, – попросил он, когда мы выпили по чашке чая.

– Что рассказывать? – пожала я плечами. – Учусь, живу с мамой и братом. Брат старше меня, пришел из армии, сейчас работу ищет...

– Работу мы ему найдем без проблем. – Николай достал из кармана визитку, положил на стол. – Пусть позвонит вечером, договоримся.

– Спасибо, – вяло поблагодарила я. – А у вас как дела?

– Прекрасно. Знаешь что, давай отметим мое выздоровление, закатимся в ресторан...

– У меня времени нет, я по вечерам работаю.

– Как работаешь? – удивился он. – Ты же учишься.

– Учусь. А по вечерам работаю. Мне к шести. Сейчас обед готовлю и побегу.

– Ясно, – не очень-то обрадовался он. – А где трудишься?

– В одной фирме...

– Бухгалтером, что ли?

– Нет. Я там убираюсь. – Видя по его лицу, что он, похоже, не понимает, о чем речь, я пояснила: – Полы мою. Восемь кабинетов, на все уходит часа два, но добираться далековато, возвращаюсь поздно, а надо еще к занятиям готовиться.

– А в выходной?

– В выходные мы обычно у бабушки. Она плохо себя чувствует, а к нам переезжать не хочет.

– Красиво живешь, – немного подумав, заявил он.

– Нормально живу, – обиделась я.

– А парень у тебя есть?

– Нет, – ответила я неохотно, так как считала, что это не его дело.

– Конечно, откуда ж ему взяться, если ты то дома сидишь, то полы моешь. Сколько тебе в этой фирме платят?

– Тысячу, плюс стипендия... в общем, неплохо получает-ся.

– Неплохо? – вроде бы не поверил он. – Это за год двенадцать тысяч? – Он извлек из кармана бумажник, отсчитал двадцать банкнот по сто долларов и придвинул их ко мне. – Держи. Здесь твой заработок за пять лет. Бросай свою фирму и учись спокойно.

Это меня здорово разозлило, и то, как небрежно он отсчитывал доллары, и то, что всерьез решил, что я могу их взять.

– Вы мне ничем не обязаны. Я не хотела вас спасать, у меня нечаянно получилось. Если честно, мне бы поскорее забыть обо всем этом, так что встречаться нам ни к чему, и вообще...

– Я тебя обидел? – нахмурился он.

– Вы меня не обидели. Я верю, вы действительно хотите помочь, только у меня все в порядке и в помощи я не нуждаюсь. Вы извините, мне готовить надо, а то не успею.

Он таращился на меня не меньше минуты, но деньги забрал и, к моему облегчению, потопал к выходу.

– Ну что ж, до свидания.

– До свидания.

– Брату скажи, чтоб позвонил, я помогу.

– Спасибо, – кивнула я, и он наконец убрался восвояси.

Вечером, когда мы пили чай, я рассказала маме о визите

Николая.

– Андрюшке помочь обещал? А где визитка?

– На холодильнике.

Мама принялась изучать ее.

– Я об этой фирме слышала. Очень серьезная фирма.

– А Пашка говорит – сплошной криминал, оттого-то хозяина чуть и не убили.

– Много твой Пашка знает. Думаю, Андрюшке стоит позвонить. – Я поморщилась, а мама насторожилась: – Что?

– Он мне деньги предлагал. Две тысячи баксов.

– Зачем?

– Не зачем, а за что. За спасение, должно быть.

– Ты не взяла?

– Конечно, нет.

– Правильно, за спасение брать деньги неприлично. Хотя, если человек от чистого сердца...

– Мама...

– Что мама? Думаешь, мне легко видеть, как ты надрываешься? Бегаешь с института на работу, полы моешь. У нас в отделе девчонки расфуфыренные, а ты в сапогах, которые тебе в десятом классе покупали. Джинсы и две кофты – вот и все наряды.

– Мама... – повторила я и добавила мягче: – Я не надрываюсь. И сапоги вполне приличные, мне их еще на пару лет хватит. Кофту я себе куплю...

– Ага. У нас долг за квартиру полторы тысячи, Андрюшке куртку надо, он же раздетый...

– Он на работу устроится и куртку купит.

– Ох, как без отца плохо... – Мама подошла ко мне, обхватила мою голову руками и прижала к себе. Я испугалась, что она заплачет, но в этот раз обошлось, мама гладила мои волосы и только вздыхала, а потом спросила: – А этот Николай, он как вообще, молодой?

– Вроде бы...

– Что значит вроде бы? Сколько ему: тридцать, сорок, пятьдесят?

– Лет двадцать семь. Я не уточняла.

– Не женат?

– Мама... Мне неинтересно, женат он или нет.

– Он что, урод?

– Глаза, нос, уши... все на месте.

Мама хихикнула, покачала головой и вновь спросила:

– Но он тебе не нравится?

– Ни капельки.

– Почему?

– Просто не нравится.

– Знаешь, что я тебе скажу, – главное, чтобы женщина нравилась мужчине, а все остальное... можно привыкнуть.

Ну, вышла я за твоего отца по большой любви. И что? Осталась в тридцать лет с двумя детьми. Папаша копейки не прислал и ни разу не поинтересовался, как мы? Дохни с голоду, а ему и горя мало... вот и вся любовь. Ладно, – мама махнула рукой, – не взяла денег, и правильно. У бедных тоже есть гордость.

О гордости я особо не размышляла, но Мелех Николай Петрович, как значилось на визитке, мне не нравился, и с этим, как говорится, ничего не поделаешь.

На следующий день, вернувшись из института, я застала на кухне невероятную сцену: мама с Андреем пили шампанское, на столе стоял торт, разнообразная закуска, а лица обоих просто сияли от счастья.

– Что за праздник? – насторожилась я.

– Андрей работу нашел. Отгадай, сколько ему будут платить? Триста долларов, и это только в первое время.

Андрей подмигнул мне, я опустилась на табуретку рядом.

– Что за работа?

– Экспедитором. Конечно, командировки, но это ерунда, привыкну. Завтра выхожу.

– Как фирма называется? – Они переглянулись, не торопясь с ответом. Мне стало ясно, в чем дело, я кивнула и со вздохом заметила: – Ты ему звонил.

– Кому? – нахмурился Андрей, но тут заговорила мама:

– Звонил, и что такого? Мы не милостыню просим, а работу. В этом нет ничего зазорного. Сейчас на хорошую рабо-

ту просто так не устроишься. И вообще, я не понимаю, почему ты так против него настроена? Андрюша говорит, он приятный человек. Правда, Андрей?

– Да. Классный мужик, такими бабками ворочает, а разговаривал со мной запросто и даже до двери проводил.

– Ладно, – кивнула я, – наливайте шампанского, будем праздновать.

Позднее, лежа в постели и укрывшись с головой одеялом, я попыталась понять, отчего я в самом деле настроена против этого Мелеха, но ответа так и не нашла. Возможно, сработало предчувствие, хотя тогда я еще не знала и не могла знать, что пройдет немного времени – и моя жизнь, пусть не очень веселая, но привычная и размеренная, полетит под откос и я не раз вспомню дождливый осенний вечер, свой дурацкий героизм, а точнее, глупость, и буду очень сожалеть, что нелегкая понесла меня гулять с Молчуном, сидела бы дома, глядишь, до сих пор жили бы спокойно...

Андрей начал работать у Мелеха, а тот стал частым гостем у нас в доме. Дошло до того, что прежде, чем идти домой, я непременно звонила маме, желая знать, не засиделся ли у нас благодетель, а если оказывалось, что и в самом деле засиделся, под любым предлогом отлынивала от дома. Разумеется, чем чаще приходилось придумывать поводы для того, чтобы избежать встречи с ним, тем больше он меня раздражал, пока дело не дошло до тихой ненависти.

Понимания в родном доме я не находила. И Андрей, и

мама в один голос твердили, какой Николай Петрович замечательный, думаю, они лелеяли мечту о том, что я выйду замуж за богатого человека. За богатого я была не против, при условии, что он не будет вызывать у меня отвращения, так что случай с Мелехом был безнадежным, но родственники об этом не догадывались, а я старалась с ними данный вопрос не обсуждать.

Тут подошел мой день рождения. Сообразив, что визита дорогого гостя не избежать, я заявила, что тратить понапрасну деньги не хочу и отмечать день рождения не буду. Но мама с братом опять-таки в один голос твердили, что отметить его просто необходимо, а с деньгами проблем нет, так что экономить ни к чему. (Андрей действительно стал зарабатывать приличные деньги, а по нашим меркам, просто сумасшедшие.) Было ясно: родственники чего-то ждут от этого праздника, то есть надежды не теряют. Николай Петрович к тому моменту у нас так прижился, что разве только ночевать не оставался, называл мою маму «мамулей», отчего та радостно хихикала и целовала его бритую головушку, а он начал заводить разговор о том, что нам надо менять квартиру, наша никуда не годится, и в самом деле принялся что-то там подыскивать. Соответственно, я так распланировала свой день, что домой являлась только на ночлег и счастливо избегала встреч со спасенным. Это положение ни родственников, ни его самого, как видно, не устраивало, и теперь они делали ставку на торжество. Я им немного подпортила игру:

отказалась от ресторана и пригласила институтскую группу в полном составе, девчонки у нас трещотки, и болтали мы только о своем, так что Николай Петрович сидел вроде свадебного генерала и, подозреваю, скучал, зато мне было весело. В подарок от него я получила золотые часы, что вызвало бурную радость у мамы и легкий шок у подруг. Николай Петрович, как всегда, никуда не торопился, гости разошлись, а он все сидел в кресле с постным видом. Я отправилась мыть посуду, и он появился в кухне следом за мной, а мама удалилась. Николай Петрович (из вредности я называла его только так, хотя разница в возрасте не была столь уж существенной и позволяла вполне демократично говорить ему «ты» и называть, соответственно, Колей), так вот, Николай Петрович устроился возле подоконника, закурил, а я мыла посуду и делала вид, что его присутствие меня не раздражает.

– Ты довольна? – спросил он, имея в виду празднество.

– По-моему, все прошло отлично, – отозвалась я. – Как вы считаете?

– Лишь бы тебе понравилось. – Он сунул руки в карманы брюк и уставился на меня, да так, что мертвого проймет. Я поспешила вернуться к посуде, но его взгляд жег мне затылок. Я мысленно чертыхалась и думала о том, что не худо бы ему провалиться вместе с часами и взглядами. Ночевать он остался у нас, правда, инициатива исходила от мамы.

– Куда ты поедешь на ночь глядя? – заявила она. – Андрюшка не придет (Андрей отправился провожать девчо-

нок). К Надьке своей завернул, значит, до утра.

Николай Петрович согласился. Я хоть и не пришла в восторг, однако и пакостей от судьбы не ждала. Спали мы в одной комнате с мамой, а Николая Петровича определили на место Андрея.

Выпила я в тот вечер довольно основательно и оттого уснула как убитая, а когда проснулась, обнаружила рядом с собой Николая Петровича, который пытался слиться со мной в жарких объятиях. Поначалу я даже не испугалась, меня прямо-таки потрясла его наглость, и я подумала: теперь-то мои поймут, какую пакость пригрели, и ноги Николая Петровича в нашем доме не будет.

– Вы что, спятили? – сурово и громко спросила я.

– Да брось ты, – ответил он, намереваясь продолжить в том же духе, а я позвала:

– Мама...

– Ее нет, – усмехнулся он. – Ушла куда-то по срочному делу.

С полминуты я приходила в себя, ну а потом живо напомнила ему, что характер у меня с момента нашего трагического знакомства ничуть не изменился: изловчилась и съездила ему по физиономии, и не по-бабьи ладошкой, а так, как меня учил драться старший брат. А когда Николай Петрович, слегка обалдев от неожиданности, откатился в сторону, добавила ему ногой и заорала:

– Молчун, ко мне...

Песик тут же возник рядом, грозно рыча, хотя к моему врагу он успел привыкнуть, раз уж тот буквально жил у нас в доме, но, в отличие от родственников, сориентировался быстро.

– Катись отсюда, – сказала я дорогому гостю, – и чтоб я тебя больше не видела, не то собаку спущу.

– Вот так, да? – спросил он, поднимаясь с пола, где отдыхал некоторое время.

– Вот так, – ответила я.

– Значит, не нравлюсь, – хмыкнул он, натягивая брюки.

– Не нравишься.

– И кто же из этих прыщавых твой дружок? – продолжал резвиться Николай Петрович.

– Не твое дело. А про собаку я не шутила. Ей-богу спущу.

– Посмотрим, – ответил он, но из квартиры убрался.

Мама появилась под утро и, пряча глаза, сообщила, что звонила тетя Валя, ей вдруг среди ночи стало плохо, и мама побежала к подруге, сильно беспокоясь о ее здоровье. Предательство близкого человека потрясло меня гораздо больше поведения Мелеха. От него-то я ничего хорошего не ожидала, но мама... Ненавидеть и презирать родную мать я была не в состоянии, и вся моя ненависть обратилась на Мелеха. Собравшись с силами, я поставила родных в известность, что не желаю его видеть, и если он еще раз появится у нас, уйду из дома. Это произвело впечатление. Впрочем, Николай Петрович встреч со мной не искал. На этом бы и успокоить-

ся, но жизнь, начав катиться под гору, продолжала свое движение. Андрей ошалел от больших денег, многопил, а вел себя в пьяном угаре так, что с души воротило. Ясно было, добром это не кончится.

– Уходить ему надо от этого Мелеха, – не выдержала я. Мама молчала, а Андрей презрительно фыркал, к тому времени он уже купил квартиру, жил отдельно и мои увещевания ему были безразличны.

Однажды вечером я вернулась с работы и застала маму в слезах, Андрей маялся с перепоя, злой, с красными глазами и опухшей физиономией, а Молчун отсутствовал.

– Где собака? – испугалась я. Мама зарыдала и скрылась в ванной, а Андрей заявил:

– Под машину попал. Я с ним погулять вышел, и вдруг какой-то придурок...

Я опустилась на стул, сверля брата взглядом, он его выдержал и зло сказал:

– Чего уставилась? Я, что ли, виноват?

– Ты врешь, – ответила я.

– Тебе что, собака дороже брата?

– Куда ты его дел?

– Закопал возле помойки. Хочешь – проверь, – усмехнулся он.

– Идем, покажешь, где зарыл, – кивнула я.

– Не дергайся. Сдох твой пес. Сдох.

– Сволочь ты, Андрюшка, – вздохнула я. Он заорал, при-

бежала мама и принялась нас увещевать. А я собрала кое-какие вещи и отправилась к девчонкам в общежитие, где и прожила неделю.

Каждый день ко мне приходила мама и плакала. Домой мне пришлось вернуться, а через месяц, в течение которого мы так ни разу и не встретились, Андрей погиб. В городе болтали разное, мне было не до досужих разговоров, но и в мамину версию об ограблении три огнестрельных ранения не вписывались. Похоронами занялся Мелех и денег не пожалел. На поминках подошел к нам, обнял маму, пообещал, что не оставит ее в беде, говорил трогательно и даже со слезой, а потом сграбастал мою руку и пробормотал сочувственно:

– Сожалею. – Но в его взгляде мне чудилась насмешка. От горя и растерянности я плохо справлялась с эмоциями и сделала то, что в любом случае делать не следовало: плюнула ему в физиономию. Не думаю, что он был виноват в смерти брата. В конце концов, Андрей сам сделал свой выбор, но тогда я склонна была во всех несчастьях винить Мелеха. Он вытер лицо, усмехнулся, пожал плечами, ничуть не смущаясь, и на некоторое время исчез из моей жизни. Правда, раз в месяц от него приезжал человек и привозил маме деньги. Иногда Николай Петрович звонил ей, и она с ним подолгу разговаривала.

– Зря ты к нему так относишься, – со вздохом увещевала она.

– Мама, он втравил Андрея в гнусную историю...

– С ума сошла, в какую еще историю? Андрюша...

– Я не знаю, чем занимается этот Мелех, но одно ясно:

Андрей...

– Замолчи, – прикрикнула мама, – не смей говорить гадости о брате. Мне плевать, что люди болтают. Я знаю одно: когда случилась беда, помог нам только Коля и до сих пор помогает.

– Он помогает, потому что прекрасно знает, что виноват.

– Он помогает, потому что дружил с Андреем и мы ему не безразличны. А ты брату собаки простить не можешь, даже мертвому.

После этого разговоров о Мелехе я избегала и, честно говоря, перестала о нем думать, благо он себя не проявлял до тех самых пор, пока я не влюбилась.

Как водится, чувство поглотило меня целиком, я радовалась жизни, потому что моя любовь не осталась безответной. Сережа сделал мне предложение, я с готовностью согласилась, а вот мама в восторг не пришла.

– На что жить будете? – спросила она сурово.

– Проживем, – оптимистично заверила я.

– Проживете... – презрительно фыркнула она. – А если ребенок? О, господи, о чем ты только думаешь?

Вскоре, однако, думать пришлось не о свадьбе, а о здоровье. Как обычно, проводив меня до дома, Сережа возвращался к себе, но в трех шагах от остановки его встретили трое

подонков и жестоко избили. Из больницы он вышел только через месяц, и свадьбу пришлось отложить. Напавших на него парней, конечно, не нашли, что никого не удивило.

Мы вновь назначили день свадьбы. Не успели раны зажить как следует, а Сергея избили вторично, на этот раз прямо возле института. Когда подобное произошло в третий раз, стало ясно: это не случайные хулиганы. Я рассказала Сергею о Мелехе, но он в ответ только усмехнулся. День свадьбы назначили уже в четвертый раз, а я пошла в милицию, потому что внутренний голос подсказывал мне: ждать, что Мелех уgomонится, – дело зряшное. Беседовал со мной симпатичный дядька, выслушал, покивал и даже посочувствовал, а потом сказал:

– Вам лучше уехать.

– Куда? – растерялась я.

– В другой город.

– А институт?

– Ну что я могу сказать... если все так, как вы говорите...

– Что значит «если»? – возмутилась я.

– Если – это значит, что доказать ничего нельзя. Конечно, то, что ваш молодой человек оказывается в больнице с интервалом в полтора месяца, делает вашу историю правдоподобной. Но сам Мелех никого не бил, следовательно...

– Следовательно, он будет продолжать измываться над нами, а вы и пальцем не пошевелите, – закончила я.

– А на каком основании я смогу его привлечь? У него сво-

ра адвокатов, а у меня что? Ваше заявление? Так он мне в глаза рассмеется. И еще вас за клевету к суду привлечет. Так что забирайте заявление и... думайте.

– Спасибо, – кивнула я. – Заявление я у вас оставлю. Если эта сволочь еще раз тронет моего парня, я его убью. Потом не говорите, что не предупреждала.

– Ты не дури, – покачал головой дядька, – убьешь, так в тюрьму сядешь.

Я покинула кабинет, громко хлопнув дверью.

Со свадьбой мы теперь не торопились. Сережины родители ко мне охладели, что было, в общем-то, понятно, и я не обижалась. Дальше стало совсем скверно: пару раз ему звонили по телефону с угрозами, и я, и Сережа жили, как на вулкане. До института его провожал отец, а домой возвращались большой компанией. Сколько так выдержишь? Он и не выдержал. Однако гордость не позволяла просто взять да и бросить меня, он бросил институт и с первым призывом оказался в армии, откуда не вернулся, то есть вернулся, но много раньше положенного срока, удостоившись трогательной речи военкома и памятника за счет общества ветеранов-«афганцев».

Мелех явился ко мне на следующий день после похорон, выразил сочувствие и душевно спросил, не может ли чем помочь. Ясно было, плевать ему в физиономию можно до бесконечности, впечатления это не произведет, да и я к тому моменту научилась держать себя в руках, даже если для это-

го приходилось сцепить зубы, и вежливо ответила, что горю моему не поможешь.

– Ерунда, – беспечно отозвался Николай Петрович, – все забывается и горе тоже. А о парне твоём, по большому счету, и сожалеть не стоит, если б он тебя любил, не сбежал бы в армию.

Комментировать это утверждение я не стала, лишь взглянула в серые глаза спасенного мною. Мама, наблюдавшая эту сцену, слабо охнула, а сам Мелех, хоть глаз не отвел, но впечатлился, нервно дернул щекой, после чего улыбнулся широко и безмятежно. Стало ясно, нам в одном городе не жить: не он меня, так я его. Ситуация, в которой «я его», виделась смутно, хотя ненависть переполняла меня и, сказать по чести, мне очень хотелось, чтоб земное его существование как-нибудь поскорее бы пресеклось и не без моей помощи (но и несчастный случай меня бы вполне устроил). Словом, выходило по-любому – «он меня», и убираться из города мне надо было незамедлительно. Однако я еще немного поупрямилась. Закончила институт и устроилась на работу, а через неделю меня уволили, даже не потрудившись придумать предлог. Мама вечером жаловалась по телефону Мелеху, и я слышала, как он сладенько отвечал:

– Ничего, Полина девушка серьезная, что-нибудь подыщет. Я бы с радостью помог ей, но ведь она этого не хочет. Невзлюбила, а вот за что, не пойму.

Но последней каплей стало не это. Друзья, которых, кста-

ти сказать, было у меня немало, в трудное время старались меня поддержать. Был среди них и однокурсник Сережи Володя. Чужой пример, как известно, людей ничему не учит, Володя начал запросто к нам заглядывать, хоть я это особо не приветствовала прежде всего потому, что рана после гибели Сережи не затянулась настолько, чтобы возник интерес к кому-то другому, а еще и потому, что добра от этого не ждала. Так что когда Володю встретили возле моего дома и, не вступая в разговоры, отдубасили, я не очень-то удивилась. Зато число моих друзей заметно убавилось. Сначала отпали представители мужской половины человечества, а потом и девчонки стали сторониться меня, точно чумной. Стиснув зубы, я еще некоторое время терпела, пока однажды не обнаружила возле своего подъезда двух здоровячков – они курили, поджидая, когда я подойду, а я замерла в нескольких метрах от подъезда. Возможно, парням я была нужна так же, как прошлогодний снег, и ждали они кого-то другого или просто остановились покурить, но я при виде их физиономий почувствовала животный ужас. Не помню, как я подошла к подъезду, и вдруг неожиданно для себя спросила:

– Ну что, по мою душу? Кости ломать будете?

– Ты что, чокнутая? – удивился один из парней, но удивлялся он фальшиво, а его дружок откровенно хохотнул. Я поднялась в квартиру и тогда поняла: все, надо сматываться. Жизни здесь мне не будет. Не этот гад, так я сама себя сведу с ума лютым страхом.

На следующий день я уехала за триста километров от родного города, туда, где у меня не было никого, кроме старенькой маминой тетки, больной, капризной, хоть и доброй. Через три года старушка умерла, объявился ее сын, троюродный брат мамы, теткин дом продал, и мне пришлось перебраться на квартиру. К тому моменту я уже освоилась в новом для меня городе, работала в солидной фирме и переезду не огорчилась, скорее наоборот. Стала звать к себе маму. Согласись она переехать, проблем с жильем вовсе бы не стало: продали бы квартиру там, а здесь купили, но мама упорно отказывалась переезжать. В родной город я не навещала, а мама, приезжая ко мне, вела себя как-то странно, по большей части спала, раздражалась по пустякам и торопилась уехать. Мне бы уже тогда насторожиться, но я не насторожилась, и, когда мама говорила, что у нее все в порядке, верила на слово, звонила ей трижды в неделю и с чувством выполненного долга продолжала жить не скажу, чтобы припеваючи, но и неплохо, оттого последующие события явились громом среди ясного неба.

Мне позвонили на работу и сообщили, что мама в тяжелом состоянии лежит в больнице. Звонила соседка, но толком ничего не объяснила. С первым же поездом я отправилась в родной город, терзаясь неизвестностью. Действительность оказалась куда хуже любой фантазии. Мама, оставшись в одиночестве, нашла для себя действенное лекарство от тоски, хоть и не особо оригинальное. Говоря проще, уже

несколько лет основательно прикладывалась к бутылке, так что ее маета у меня в гостях, раздражение и сонливость стали мне понятны, правда, слишком поздно.

Находясь в подпитии, она решила сварить кофе, поставила турку с водой на плиту, ушла в комнату и задремала перед телевизором. История банальная, но мне от этого легче не было. Случился пожар, маму едва спасли, в больнице она находилась в очень тяжелом состоянии. Конечно, оставить ее я не могла, позвонила на работу, объяснила ситуацию и занялась насущными проблемами. Ночевала я в больнице, потому что обойтись без меня мама не могла, а остановилась, то есть оставила свои вещи, у соседки, так как квартира здорово пострадала в результате пожара. От соседки я и узнала, что Мелех и после моего отъезда продолжал принимать участие в нашей семье и регулярно снабжал маму деньгами, в которых она, в силу сложившейся ситуации, остро нуждалась. Нет, я не хочу сказать, что он ее сознательно спаивал, но выходило, что Мелех играет в моей жизни роль злого демона. Любви к нему это не прибавило.

Вернувшись однажды из больницы помыться и переодеться, я между делом обнаружила в своей квартире бригаду мастеров, которая благополучно заменила рамы и теперь занималась побелкой. Само собой, я решила узнать, откуда взялись добрые волшебники, ответ меня не порадовал, так как сводился к тому, что они и сами толком ничего не знают, послал их мастер и деньги им платит он, а также следит за

работой.

Я попыталась встретиться с мастером и, в конце концов, встретила, он сопел, хмурился, переминался с ноги на ногу, после чего заявил, что его дело маленькое, ему сказали, он делает, а кто да что... «Вам бы радоваться, а не вопросы задавать», – закончил он свое небольшое выступление. Я попыталась найти человека, который дал задание (и деньги) мастеру, и началась сказка про белого бычка, никто ничего вроде бы не знал. Квартиру между тем отремонтировали, а рабочие от меня попросту сбежали, когда я начала выяснять, кому должна за ремонт. Впрочем, особо напрягаться не стоило, я и так знала. И однажды, собравшись с духом, позволила этому сукиному сыну.

– Привет, – отозвался он лениво. – Как дела?

– Скверно.

– Что, матери не лучше? Выберу время, заеду в больницу.

– Слушай, – задушевно попросила я, – оставь нас в покое.

– Я хочу помочь, – с заметным удивлением сказал он.

– Ты уже помог, – сказала я, – больше не надо.

Не знаю, действовали мои слова или нет, но в больнице он не появился, что я расценила как первый успех. Через месяц маму выписали, но оставлять ее одну было нельзя, и я, договорившись с соседкой, отправилась к себе, чтобы решить вопрос с работой и квартирой, и через три дня вернулась в отчий дом, стараниями Мелеха неплохо обустроенный. Деньги, те что еще оставались, вскоре кончились, надо

было устраиваться на работу, и тут новая беда – у мамы двухстороннее воспаление легких, что, как мне объяснили, случается довольно часто у лежачих больных. Через несколько дней мамы не стало. Опомнившись от горя, я оказалась перед выбором: либо попытаться жить здесь, либо вернуться к себе, где и место на работе, и квартира были уже давно заняты. Покладистость Мелеха вызвала у меня робкую надежду, что он наконец уgomонился и я смогу жить здесь, особо ничем не рискуя. На похороны он не явился и мне не досаждал, так что выходило, что в самом деле успокоился. За пять лет, что меня не было в городе, он успел дважды жениться, правда, и развестись тоже успел, но я всерьез верила, что старые игры ему надоели. И вот вам, пожалуйста: за полгода третье место работы, с которого я вылетаю без видимой причины...

Я достала ключи из сумки, открыла дверь, сняла туфли, плащ и босиком прошлепала в кухню, включила чайник и ненадолго устала в окно. Чайник с резким щелчком отключился, я повернулась на звук и тут увидела нечто такое, что заставило меня до неприличия широко открыть рот. В комнате прямо напротив меня в кресле сидел мужчина, закинув ногу на ногу и положив руки на подлокотники кресла, он с интересом разглядывал меня. Первой мыслью было: «Ничего себе...», второй: «Вот скотина...» Последнее относилось к моему врагу, то есть к Мелеху. Я ни минуты не сомневалась, что это его рук дело, поэтому устремилась в ком-

нату, пылая праведным гневом.

– Вы как вошли? – рявкнула я.

Мужчина слегка пожал плечами и ответил:

– Через дверь.

Голос его звучал как-то странно, точно парню накинули удавку на шею и по забывчивости не потрудились снять. Впрочем, странным был не только голос. Теперь, когда я была убеждена, что это не грабитель и не галлюцинация, и успокоилась, точнее, разозлилась настолько, что совершенно не боялась, так вот, теперь я могла как следует разглядеть парня. Его внешность оказалась под стать голосу. Бледная до синевы физиономия, узкая, с запавшими щеками и тонким носом, острый подбородок, губы тоже узкие и почти бесцветные. Лицо покойника. Жили на нем только глаза, но они-то как раз мне и не нравились. Цвет глаз был необычен: светлые, почти желтые, такие глаза подошли бы зверю, например, кому-то из породы кошачьих, а на человеческой физиономии выглядели странно, к тому же горели нездоровым блеском, что только усиливало их странность. Мужчина, чей возраст я затруднялась определить, был блондин, волосы зачесывал назад, оставляя лоб открытым, лоб, кстати, тоже тревожил какой-то неправильностью, брови были темные и широкие, а в целом он напоминал Мефистофеля, каким его обычно изображают, не хватало лишь бородки клинышком, лицо у парня было бритое и гладкое, как у младенца. Опять же, появился он в манере Мефистофеля, то есть просто ка-

ким-то непонятным образом оказался в моем кресле. Все это выглядело бы комичным, если б не одна вещь: в чертей я не верила, а этот тип как-то вошел в мою квартиру. В целом все это вызывало у меня сильнейшее беспокойство, но отнюдь не страх, оттого я и решительно заявила:

– Вот через дверь и убирайтесь.

Он саркастически усмехнулся опять же вроде Мефистофеля, сцепил руки замком, посмотрел на них и ответил:

– Не торопись.

– Так, – сказала я, все больше набираясь отваги, – сами уйдете, или милицию вызвать?

– Милицию вызвать ты не успеешь, – покачал он головой, чем утешил меня не столько, впрочем, заявлением, сколько взглядом, которым оно сопровождалось. Я сразу поняла: точно не успею и, чтобы как-то себя подбодрить, сурово нахмурилась и спросила:

– Вас откуда черт принес?

– Оттуда, – неопределенно пожал он плечами. – Хотел взглянуть.

– На меня? – опускаясь в кресло, спросила я. Парень не делал резких движений, и это меня немного успокоило.

– Конечно. Говорят, он по тебе с ума сходит.

– Кто?

– Ты знаешь, – опять хихикнул он, неожиданно легко поднялся и шагнул ко мне, а я вцепилась в подлокотники и приготовилась орать. Он наклонился, так что теперь я хорошо

видела его глаза с узким зрачком, в глубине которого обнаружила свою физиономию. Парень раздвинул в улыбке губы и задушевно сказал: — Может, нам лучше подружиться? В самом деле, а?

Не знаю, на что он рассчитывал, но его надежд я не оправдала, потому что сделала то, чего он явно не ожидал, — пнула его ногой, и он вновь оказался в кресле напротив, а я рванула к входной двери. Я ее уже видела, что в квартире такого метража, как моя, вещь неувидительная, все рядышком. Но, несмотря на это, достигнуть двери я не успела, парень догнал меня, толкнул в спину, и я, заорав, упала, а он навалился сверху. Широтой плеч он не поражал и казался скорее хрупким, но тут же выяснилось, что впечатление это обманчивое: сила в нем была прямо-таки фантастическая, да еще обезьянья ловкость, с которой он в мгновение ока начал стаскивать с меня одежду. Возьмись я с ним соревноваться в этом виде спорта, наверняка бы проиграла. В общем, чувствовалось, что в данной области у него колоссальный опыт. Я отчаянно взывала, продолжая сопротивление, по большей части бессмысленное, и тут в дверь позвонили. Весьма настойчиво. Парень замер, и я вместе с ним, хоть и собралась заорать погромче, но он успел закрыть мне рот ладонью, причем так, что я и мычать-то не могла. Кто бы ни был звонивший, но он твердо вознамерился попасть в мою квартиру. Он звонил, дважды стучал и опять звонил, потом ожил телефон, и стало ясно: кому-то я необходима, и этот кто-то уверен, что я

в квартире.

Блондин приподнялся, давая мне возможность пошевелиться, и, сделав предупреждающий жест рукой, убрал ладонь с моего лица. Я торопливо приподнялась и теперь сидела на полу. Блондин шагнул к двери, неожиданно схватил меня за плечо и прошептал, широко улыбаясь:

– Тебе повезло. А это на память.

Пальцы его стремительно приблизились к моему лицу, а я, еще не успев сообразить, в чем дело, инстинктивно дернулась, защищая лицо. Острая боль мгновенно обожгла мне шею, я закричала, хлопнула дверь, и вдруг сделалось тихо, никто не звонит, не стучит, а я сижу на полу, и от шеи по ключице на грудь стекает что-то теплое. Я вскочила и бросилась к зеркалу. Шея была залита кровью, от уха до ключицы алел надрез, в настоящее время казавшийся смертельным. У этого придурка между пальцами было лезвие. Господи, да что ж это такое?..

Я бросилась к телефону и вызвала милицию и «Скорую», не надеясь дожить до ее приезда. Однако рана оказалась пустяковой, то есть это она врачу такой казалась, я-то не пришла в восторг от этого украшения: вдруг шрам останется? Не слышала, чтобы шрам прибавлял женщине шарма... Однако когда появилась милиция, я и про это забыла, потому что начались вещи воистину фантастические. Только я, понемногу приходя в себя, стала рассказывать, как все было, меня перебил мужчина с отеком лица (приехали они втроем, но

беседовал со мной в основном именно этот, представляться он не стал, забыл, наверное):

– Как он вошел в вашу квартиру?

– Понятия не имею, – ответила я. – Говорю, он сидел в кресле.

– Юра, посмотри замок. – Юра направился к двери, а я попыталась продолжить свой горестный рассказ, но тут Юра вернулся.

– Не похоже, чтоб его взламывали.

– Дверь была заперта, когда я пришла, значит, замок не взламывали, – стараясь быть терпеливой, сообщила я.

– Тогда как он вошел? У него что, ключ был?

– Откуда мне знать?

– И вы этого типа никогда раньше не видели?

– Нет.

– Что из вещей пропало?

– Не знаю, – растерялась я, – по-моему, ничего.

– Посмотрите как следует.

Я с трудом поднялась и для очистки совести осмотрела квартиру, хотя доподлинно знала, что никаких ценных вещей, способных привлечь грабителя, здесь нет, все, что было можно, я продала, пока болела мама. Исправно заглянув во все шкафы, я вернулась в гостиную и сообщила:

– Все на месте.

– Это что же получается? – нахмурился милиционер с опухшим лицом. – Влезли в квартиру и ничего не взяли?

– Я же не виновата, – развела я руками.

– Какие-то вы чудеса рассказываете.

– Ничего чудесного я здесь не вижу, – огрызнулась я. – Я пришла, увидела, что в кресле сидит незнакомый мне человек, испугалась, спросила, как он вошел... – Словом, довольно подробно описала произошедшее, умолчав лишь об одном: как этот тип, догнав меня в прихожей, стаскивал с меня одежду. Вопросов на эту тему я бы просто не выдержала, даже покраснела при одном воспоминании о недавних событиях, стиснула зубы, но их пришлось разжать, потому что от меня ждали продолжения. Когда я закончила рассказывать, все трое выглядели совершенно несчастными.

– Это что ж выходит, – вздохнул ранее скромно молчавший молодой человек, – маньяк какой-то?

– Какой маньяк? – повысил голос опухший. – Маньяка нам только не хватало.

– Слушайте, я не знаю, маньяк он или нет, – разозлилась я, – но мне жить в этой квартире, так что было бы здорово, если вы его отыщете поскорее.

– Отыщешь тут, – пробубнил себе под нос опухший, но я его прекрасно слышала. Самый молодой засел за бумаги. Мне задали еще массу вопросов, по большей части бестолковых. – Что у нас выходит, – подытожил опухший. – Мужчина проникает к вам в дом, сидит себе в кресле и дожидается вас. Вы приходите, он вынимает лезвие и – чик вам по шее, а потом уходит. Так? А что он сказал при этом? Или

молчал?

– Говорил, – без энтузиазма ответила я.

– Что?

– Сказал, что хотел взглянуть на меня.

– Что? – не понял опухший.

– Хотел меня увидеть, – вздохнула я.

– Так вы знакомы, что ли?

– Я первый раз в жизни его видела.

– А он вас?

– Откуда мне знать?

– Дальше что?

– В дверь позвонили, а потом еще по телефону, он, видимо, испугался, решил убраться отсюда, пошел к двери и ударил меня лезвием.

– Точно – псих. Он что же, к двери пошел сразу после звонка?

– Нет, подождал немного.

– А вы чего в это время делали?

– Орать пыталась, но он мне зажал рот.

– Ну и дела, – с тоской заметил опухший. – Может, вы чего-то не договариваете? Может, виделись раньше? – Он вновь вздохнул. – Описать его внешность сможете?

– Конечно. – Я добросовестно поведала о том, как выглядел мой недавний гость, а молодой человек все добросовестно записал.

– Может быть, есть кто-то, кому вы... ну, понимаете...

чем-то не угодили, – вступил в разговор Юра, глядя на меня как-то странно, с подозрением, что ли. – Есть у вас враги?

Я разглядывала свои руки, прикидывая, стоит ли говорить или нет, и сказала правду – как видно, предыдущий опыт так ничему меня и не научил.

– Есть.

– И кто это? – оживился опухший.

– Мелех Николай Петрович. Домашнего адреса я не знаю, но телефон у меня записан.

– Это какой Мелех? – заметно насторожился опухший, и все трое быстро переглянулись.

– Что значит какой? – разозлилась я.

– И чего этот Мелех? Угрожал вам?

– Нет, – честно ответила я и даже головой покачала.

– Тогда при чем здесь он?

– Вы про врагов спросили, вот он враг и есть. И этого типа наверняка он послал. Попугать немного. Тот и напугал. – Я машинально коснулась рукой шеи, прикидывая, как выглядела бы сейчас моя физиономия, не успею я отдернуть голову.

– Вы уверены или у вас есть доказательства? – взъелся опухший.

– Уверена, но доказательств нет.

– Ага. И чего нам с этим делать? Пригласить гражданина Мелеха и сказать: так, мол, и так, гражданка Лунина обвиняет вас в покушении на свою жизнь?

– Я его в покушении не обвиняю, я только хочу...

– Но вы же заявили, что вам угрожали...

– Он не угрожал, он ударил, когда собрался уходить.

– И послал его якобы Мелех?

– Я так думаю.

– А я знаете, что думаю? Я думаю, вы со своим дружкой поскандалили, вызвали сгоряча милицию, он сбежал, а вы малость очухались, дружка жалко стало, и теперь морочите нам голову всякими сказками. Мы будем искать несуществующего блондина, а вы вдвоем над нами посмеиваться.

– Ясно, – кивнула я, сгребла со стола протокол и разорвала. – Извините, что побеспокоила.

– Вы как себя ведете? – возмутился опухший, от избытка эмоций начав заикаться. – Вам это что, игрушки?

Кончилось тем, что они, в конце концов, убрались, а я, заперев дверь на задвижку, рухнула на диван и попыталась решить, что делать. Через пять минут стало ясно: сматываться из города. Если мой враг от пакостей перешел к военным действиям, у меня нет никаких шансов. Признать это ох как не хотелось, то есть не признавать, а уступить. Сцепив зубы, я лелеяла мечты о мести и дошла в своем рвении даже до самых кровавых способов, но как только вспоминала сцену в прихожей, покрывалась мурашками. Не приведи господи пережить еще раз такое. Так что же, уезжать?

Я потеряла лицо ладонями, пытаюсь привести мысли в порядок. Если я смогу продать эту квартиру, остальное будет

не так сложно. А я смогу? Вряд ли. Либо покупатели разбегутся, либо она сгорит в одночасье. Вот черт... Занятая этими невеселыми мыслями, я бродила по комнате, не замечая времени, правда, раза три выскальзывала в прихожую и проверяла входную дверь. Завтра с утра найду слесаря и постараюсь сменить замок. Только особо рассчитывать на то, что это убережет меня от нежелательных визитеров, я бы не стала. Блондин ведь как-то вошел? Вся надежда на задвижку, но тогда придется безвылазно сидеть в квартире. Это тоже не годится.

Зазвонил телефон, я сняла трубку и услышала Ольгин голос.

– Слава богу, – со вздохом заявила она. – Ты что, в ванной отмокала или сидела в наушниках?

– Да вроде нет.

– Ясно. Переживала и видеть меня не хотела.

– Подожди, это ты ко мне приходила? Звонила в дверь, а потом по телефону?

– И звонила, и стучала. Соседка сказала, что ты дома, она с пуделем гуляла, видела тебя. Я уж не знала, что и думать. Вдруг ты от расстройства того... всякое случается.

– Ольга, ты меня спасла, – с благодарностью заявила я и рассказала ей о блондине.

– Ничего себе, – присвистнула подруга. – Слушай, тебе дома нельзя оставаться. Давай ко мне. Вдруг он вернется?

– Не болтай глупостей, – отмахнулась я, не очень-то веря

в правоту своих слов. – По крайней мере, не сегодня.

– Приезжай... И мне спокойнее будет.

– Ладно, я подумаю.

Не успели мы проститься, как в дверь позвонили. Я вздрогнула, очень осторожно приблизилась к ней и, стараясь не производить лишнего шума, глянула в глазок. С той стороны стоял один из посетивших меня милиционеров по имени Юра. В некотором недоумении я распахнула дверь и устояла на него.

– Войти можно? – поинтересовался он.

– Заходите.

Юра вошел, снял ботинки, куртку и посмотрел на меня вроде бы несколько растерянно... Я торопливо предложила:

– Хотите чаю?

– Хочу, – кивнул он и зашагал за мной на кухню.

Пока я возилась с чаем, он устроился за столом и, ненавязчиво поглядывая на меня, о чем-то размышлял.

– Вы что, поймали его? – теряясь в догадках, спросила я. Юра удивленно взглянул на меня, будто пытаюсь сообразить, о чем это я, а потом покачал головой:

– Нет.

Я разлила чай и нахмурилась, едва не брякнув: «А зачем тогда пришли?» Но, как видно, Юра и без моего вопроса понял, что я ломаю голову, с какой стати он вдруг вернулся. Он откашлялся, вроде бы собираясь с силами, сделал два глотка чая, посмотрел на меня в упор и сказал:

– Вы Шалаева Константина Игнатьевича помните?

– Помню, – не удержавшись от усмешки, ответила я. Именно к Шалаеву я ходила с заявлением, когда вся местная шпана сосредоточила свои агрессивные инстинкты на Сереже.

– Он у нас теперь начальником, – продолжил Юра с таким видом, будто это объясняло его визит ко мне.

– Да? – без энтузиазма откликнулась я. – Рада за него.

– Мы с ним говорили, – опять-таки со вздохом сообщил Юра.

– О чем? – решила я уточнить.

– О вас, то есть... о той истории. И вообще...

– Заявление примете? – не без язвительности спросила я.

– Какой толк от заявления? – Юра пожал плечами и поспешно отвел глаза. – Ни вы, ни я ничего не докажем.

– Слушайте, – немного понаблюдав за ним, сказала я, – кто вообще такой этот Мелех? Отчего, только лишь услышав его фамилию, менты становятся кислыми?

Юра не без лукавства улыбнулся, а потом позволил себе хихикнуть.

– Разве вы не знаете, кому спасли жизнь? Кстати, чего это он к вам прицепился? По идее, благодарить должен, можно сказать, по гроб обязан.

– А вы у него спросите, – съязвила я.

– Это вряд ли, – погрустнел Юра.

– Вы зачем пришли? – не находя в нашей беседе смысла,

решила поинтересоваться я.

Юра пожал плечами:

– Я должен как-то помочь вам.

– Вы лично или милиция?

– А я, между прочим, и есть милиция.

– Как помогать думаете?

– Честно сказать – не знаю. Тип, что к вам приходил, наверняка Мелеха в глаза не видел, даже если повезет и мы его отыщем...

– Не продолжайте, – перебила я, – не совсем дура, телик смотрю. Вы мне на вопрос не ответили.

– На какой? А-а-а... – Юра в который раз за время гостевания вздохнул. – Что Мелех? Мелех и есть. Бизнесмен... говорят..

– Вы дурака валяете или сами ничего не знаете? – разозлилась я.

– А чего тут знать... впрочем, вас же несколько лет в городе не было.

– Точно. Так чем он знаменит?

– Ничем, – широко улыбнулся Юра, будто находил в своем ответе что-то забавное. – Сидит себе тихо, говорят, без особой нужды носа на улице не показывает. Что, в общем-то, понятно. Врагов у него как грязи, так что по улицам особо не набегаетесь.

– А чем он занимается? – продолжала допытываться я.

Юра закатил глаза и весело фыркнул:

– Кабы знать, а не догадываться, давно бы пристроили его в надежное место. Но он у нас перед законом чист. То есть совершенно. Даже налоги платит. Как положено. Проверок на него насылали, не вспомнить сколько, но у него все в ажуре, комар носа не подточит.

– Так что у него за бизнес? За что налоги платит?

– Ресторан у него в самом центре, называется «Сфинкс». Может, обратили внимание, там у входа скульптура этого самого Сфинкса, говорят, позолоченная. Врут, как думаете? Врут... ободрали бы давно.

– Ну, и что этот ресторан? – поторопила я, чувствуя, что Юра увлекся.

– Ничего. Шикарный ресторан. С настоящими пальмами. Я там, конечно, не был, рассказываю, что от других слышал. Уточки плавают в пруду, и все такое...

– Занятно. А кроме уточек?

– Наверное, еще что-то есть, но мне только про них рассказывали.

– Что вы дурака-то валяете? – не выдержала я.

– Извините, – совсем другим тоном ответил он. – Перед законом господин Мелех чист, к тому же связи у него такие, что иной политик позавидует. Губернатор наш не гнушается к нему в ресторан заехать, покушать хорошо ну и о жизни поговорить. И прочие разные люди. Из Москвы частенько наведываются, оттого-то, лишь только фамилия Мелеха всплывает, у наших ментов мгновенно зубы начинают ныть

и портится настроение.

– Это я заметила. Значит, ресторан и связи...

– Ага. Дом, где расположен ресторан, Мелех выкупил и живет там же. Квартира на втором этаже, но про нее ничего не скажу, никто из моих знакомых в гостях ни разу не был. Знаю, что дом набит охраной, все бывшие спецназовцы, на жизнь вроде не жалуются.

– А вы на жизнь жалуетесь? – не удержалась я.

– Я на зарплату жалуюсь.

– Так подались бы к Мелеху.

– Мы характерами не сойдемся. Я к вам чего пришел, Полина Владимировна, я ведь, честно говоря, тоже сначала подумал... ну, что вы с нами не совсем откровенны... А теперь уверен: скорее всего вы правду сказали, и визитер действительно был от Мелеха. А если так, то оставаться вам здесь опасно.

– В квартире?

– В городе, Полина Владимировна. Не убережетесь.

– Занятно такое от вас слышать.

– Понимаю. Только и вы поймите. Когда руки-ноги связаны – особо не попрыгаешь. Допустим, пойду я к вам в телохранители...

– У меня на это денег нет, – перебила я его.

– Допустим, я за идею. Толк от этого вряд ли будет. На танк с вилами не ходят. Родственники у вас есть?

– Нет.

– Жаль. А друзья?

– Друзья вроде бы остались, но если все так скверно, чего ж я людей подводить буду?

– Резонно. Ладно, вы подумайте, а я пойду.

«Чего тут думать, – вздохнула я, запирая за Юрой дверь. – Хорошо ему говорить, а куда я без денег уеду? Эх, продать бы квартиру...» Я вновь закружила по комнате, но вместо того, чтобы впасть в отчаяние, начала злиться.

Кружила я по комнате, кружила, распаляя себя праведным гневом все больше и больше, пока в голову мне не пришла одна мысль. Заключалась же она вот в чем: почему бы мне не встретиться с господином Мелехом и не выяснить, чего этот сукин сын добивается? Если в его намерения входит выставить меня из города, так ради бога, пусть только палки в колеса не вставляет, продам квартиру и привет... В конце концов, я ему жизнь спасла, надо бы ему об этом напомнить. Должно быть, с головой у меня в тот вечер было неладно, потому что мысль эта не только не показалась мне идиотской, более того, я вознамерилась претворить ее в жизнь, торопливо оделась, вышла из дома и остановила машину.

– В центр, – сказала отрывисто, – к ресторану «Сфинкс».

Сидевший за рулем мужчина посмотрел на меня без всякого интереса и кивнул, а через двадцать минут остановился около двухэтажного, недавно отреставрированного особняка.

Я поглазела на особняк, вздохнула и потопала к ярко освещенным дверям. Под козырьком возле входа рядом с пресловутым Сфинксом замер молодой человек в темном костюме, белой рубашке и при галстуке. Я с опозданием сообразила, что одета не для выхода в ресторан, и разозлилась еще больше. Наверное, что-то такое отобразилось на моей физиономии, потому что молодой человек, поставленный здесь наблюдать за порядком, хотя и взглянул на меня с неодобрением, словесно его не выразил.

Дверь передо мной сама собой распахнулась, и я оказалась в роскошном вестибюле, оформленном в египетском стиле, прямо передо мной замер Фараон, скрестив на груди руки, и от его пустых глаз мне сделалось как-то не по себе. Если честно, захотелось сбежать отсюда. Я бы, наверное, и сбежала, но тут ко мне подскочил молодой человек в красной феске и спросил с улыбкой, правда, какой-то вялой:

– Что желаете?

«Хороший вопрос», – подумала я. Торопливо огляделась и спросила:

– Где у вас бар?

– Вот сюда, пожалуйста.

Он выразительно посмотрел на мои кроссовки и джинсы, но проводил до дверей. Я направилась к стойке, прикидывая, что делать дальше. Возможно, Мелеха вовсе нет в ресторане. Не будь я такой душой, для начала бы позвонила ему и договорилась о встрече.

– Минеральная вода есть? – осведомилась я.

– Конечно, – усмехнулся бармен, взглянул на меня и убрал усмешку с физиономии. Молча поставил передо мной стакан воды и удалился. Я вертела стакан в руке и собиралась с мыслями. Теперь поход сюда представлялся мне невероятно глупым.

– Черт, – пробормотала я, но получилось довольно громко, сидящие за стойкой посмотрели на меня с недоумением. Я ответила им гневным взглядом. Стакан опустел, а я так и не решила, что мне делать дальше. Вернулся бармен, взглянул на меня и спросил:

– Еще что-нибудь?

– Спасибо, – пробормотала я и услышала за спиной:

– Здесь хороший коктейль, называется «Нефертити», советую попробовать.

Я оглянулась и обнаружила рядом с собой парня лет двадцати семи, он улыбался так, точно о встрече со мной мечтал всю жизнь.

– В самом деле? – не зная, что ответить, заметила я.

– Можно я вас угощу? – продолжал он расточать улыбки и, не дожидаясь моего согласия, обратился к бармену: – Два коктейля. – Затем сел на табурет рядом и попробовал улыбнуться еще шире. – Я вас раньше здесь не видел.

Бармен холодно взглянул на парня, точно тот сделал что-то неприличное, и занялся коктейлями.

– Вообще-то, я зашла на минуту, – сказала я.

– Выпить минералки? – засмеялся парень.

– А вам какое дело? – не выдержала я и поспешно извинилась: – Прошу прощения, у меня сегодня день ни к черту.

– У меня тоже, – порадовал меня парень. – Попробуйте коктейль, уверен, вам понравится.

Я отпила немного и кивнула.

– Неплохо.

Он опять засмеялся:

– Должно быть, денек у вас и в самом деле выдался паршивый. Меня Виктор зовут, а вас?

– Меня... – начала я и замолчала на полуслове: в баре появился Мелех, он не спеша шел ко мне, сунув руки в карманы брюк и вроде бы совершенно не замечая окружающих. А вот окружающие на него поглядывали. Витя перевел взгляд с меня на Мелеха и инстинктивно отодвинулся.

– Привет, – сказал мой враг, остановившись рядом. – Ты ко мне?

– К тебе, – буркнула я.

– Тогда пойдем. – Через полминуты мы устроились за столом напротив друг друга. – Выпьешь что-нибудь? – спросил он.

– Воды, – ответила я. Он кивнул бармену, и тот принес нам два стакана минеральной воды. Пока мы ждали парня, я смогла как следует рассмотреть Николая Петровича. За пять лет с момента нашей последней встречи он не похорошел. Набрал лишних килограммов шесть, физиономия приобре-

ла надменно-равнодушное выражение. Уголки губ презрительно опущены, взгляд отсутствующий. Я мгновенно почувствовала раздражение, в этом смысле прошедшие пять лет ничему меня не научили. Меня раздражало все: то как он сидел, как смотрел, как манерно встряхивал рукой, прежде чем взглянуть на часы, раздражали и сами его руки со свежим маникюром, с широкой ладонью и короткими толстыми пальцами, на безымянном сверкал огромный бриллиант в обрамлении изумрудов. Что-либо нелепее и представить было невозможно, да еще тяжелый браслет с подвеской в виде черепа. Раздражение очень быстро сменилось стойким отвращением... И с этим типом я пришла говорить. О чем? Пустая трата времени.

Он разглядывал меня и, наверное, тоже злился. Правда, на его физиономии какие-либо эмоции не отразились. Я молчала, и он молчал. Я потому, что собиралась с силами, а почему он – мне неизвестно. Может, ему нравилось наблюдать, как я ерзаю на стуле, подыскивая слова? Эта мысль любви к нему во мне не прибавила, и я невпопад брякнула:

– Нам надо поговорить.

– Слушаю, – кивнул он без намека на какой-либо интерес.

– Я хочу уехать, – злясь все больше и больше, начала я. –

Мне необходимо продать квартиру, на это уйдет время...

– Хочешь, чтобы я помог? – повертев стакан в руке, спросил он.

– Хочу, чтобы ты оставил меня в покое, – рывкнула я, а

ведь давала слово, что буду держать себя в руках, и вот пожалуйста, стоило этому уроду появиться, и все обещания насмарку.

Мелех поднял брови, глядя на меня с удивлением, точно я сморозила невероятную глупость, и спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Прекрати, – зашипела я, торопливо оглянувшись и вздохнула, призывая себя успокоиться. – Меня уволили с работы...

– А я здесь при чем? – Теперь на его лице появилось недоумение. Он пожал плечами и отодвинул стакан, а я перегнулась к нему и заговорила еще тише:

– Хочешь сказать, что обошлось без тебя?

– Ты спятила, – обиделся он. – Тебя уволили с работы, а какое я могу иметь к этому отношение, раз работаешь ты не на меня? Может, ты просто не справлялась?

– Может, – немного поскрипев зубами, согласилась я.

– Вот видишь... Значит, ты просишь меня помочь тебе с квартирой? – продолжил он.

– Я прошу не мешать, – поправила я, но он не обратил на мои слова внимания.

– Куда собираешься перебраться?

– Пока не решила.

– Тянет к перемене мест. А что у тебя с шеей? – без перехода спросил он. Я машинально коснулась рукой пореза и опять усмехнулась:

– Тебе должно быть об этом хорошо известно.

– Мне? – Он вроде бы искренне удивился.

– Давай поговорим откровенно, – выставив вперед ладонь, точно защищаясь от него, сказала я. – Чего ты хочешь?

– От жизни? – хмыкнул он.

– Нет, от меня.

– От тебя ничего. – Он вроде бы опять удивился.

– Прекрати, – вновь рявкнула я. – Можем мы поговорить откровенно?

– А я что делаю? Только твоя откровенность больше похожа на бред.

– Seriously? Стоит мне устроиться на работу, как оказывается, что у фирмы проблемы, и меня увольняют по сокращению штатов, хотя в другом городе со мной такого не случилось. Допустим, наш город особенный и ты действительно ни при чем...

– Вот-вот, – кивнул он. – А если так оно и есть, о чем говорить?

– Слушай, – не выдержала я, – в конце концов, я тебе жизнь спасла, хотя бы и в благодарность...

– Вон оно даже как, – присвистнул Мелех. – Ну, спасибо тебе. Кстати, я в долгу не остался, хотя ты из тех, кто добра не помнит.

– Насчет добра в самую точку, – усмехнулась я. – Ты его столько сделал... Так вот, давай забудем друг о друге. Ты мне ничем не обязан, а я тебе. Хорошо?

– Ты так говоришь, как будто я досаждаю тебе своим присутствием, а между тем мы встречаемся впервые за пять лет. Кстати, ты совсем не изменилась, выходит, жизнь тебя ничему так и не научила.

– Николай, – вздохнула я, – я пришла поговорить... Допустим, у тебя имеются причины вести себя таким образом, то есть портить мне жизнь, мне они неизвестны, но я готова признать, что они есть и даже в каком-то смысле справедливы.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – удивился он.

– Ладно, – кивнула я, неожиданно вспомнив слова Юры о том, что писать заявление – напрасный труд. Похоже, что и разговаривать с этим сукиным сыном – затея наиглупейшая. Я резко поднялась. – Извини.

Он схватил меня за руку, хмуро глядя мне в глаза, я попыталась освободить руку, но он держал ее крепко.

– Что это за шрам на шее? – спросил он серьезно.

Я засмеялась, покачала головой и ответила:

– Сегодня у меня был гость. Очень неприятный тип. А это он оставил мне на память.

– Сядь, – кивнул Мелех, – и расскажи, в чем дело.

Я села и рассказала, хотя не видела в этом смысла, потому что была уверена: о моем госте он знает лучше меня.

– Как он выглядел? – разглядывая свои руки, спросил Николай Петрович. Я подробно описала блондина, Мелех слушал, кивал, затем минут пять сидел молча, размышляя. –

Вот что, — наконец изрек он, — думаю, тебе не стоит оставаться в своей квартире. Переезжай ко мне.

— Что? — растерялась я.

— Переезжай ко мне, — повторил он, глядя на меня, не моргая. Я развела руками:

— Что значит — «переезжай»?

— Чего ж непонятного? Поживешь у меня, пока я во всем разберусь и все улажу.

— Спасибо. Я думаю, уладить все не так трудно, тебе стоит лишь слово сказать.

— Ты всерьез думаешь, что его послал я?

— Конечно, — ответила я без прежней уверенности.

— Зачем мне это?

— А зачем... — Я оборвала себя на полуслове, тряхнула головой и закончила: — Я просто хочу уехать.

— Не думаю, что твои проблемы можно решить таким образом, — осчастливил меня он.

— У меня не было проблем в другом городе, — напомнила я.

— Возможно. Но теперь они есть. Переезжай ко мне.

— Огромное человеческое спасибо, — усмехнулась я.

— Тебе никто не говорил, что у тебя скверный характер?

— Зато ты на редкость покладистый парень. Иметь с тобой дело — одно удовольствие.

— А почему ты говоришь об этом с такой иронией? — внезапно оживился он, сонное выражение на его лице уступило место любопытству.

– Извини, – вновь усмехнулась я.

– Нет, в самом деле. Ты же хотела поговорить, ну так скажи: почему? Я помогал твоему брату...

– И он погиб.

– Все мы смертны.

– Послушай...

– Нет, ты меня послушай, – перебил он. – Я всегда был готов помочь и тебе, и твоей семье, но ты презрительно воротила нос, а теперь являешься с претензиями и несешь несусветную чушь. А я должен это безропотно выслушивать? Ты бросила свою мать, за пять лет ни разу не навестила ее...

– Заткнись, – не сдержалась я.

– Я называю вещи своими именами. Ты ее бросила...

– Мне пришлось уехать.

– Да неужели?

– Да. И ты знаешь почему. Ты... слушай, я не хотела говорить об этом, честно не хотела, я...

– У тебя проблемы, у тебя полно проблем, и ты всегда винишь в этом других. Твоя мать спилась в одиночестве – виноват я, твой парень тебя бросил... – Не следовало бы ему этого говорить. Не помня себя, я схватила стакан и запустила его в Мелеха. Существенного ущерба его роже он не нанес, но дело-то не в этом: моя выходка не осталась незамеченной. Мелех достал платок, вытер лицо и сказал сквозь зубы: – Еще раз такой номер выкинешь – убью.

Мысленно чертыхаясь, я покинула бар. Ну и чего я доби-

лась? Ведь знала, что приходить сюда бесполезно. Теперь он еще больше разозлился, и неизвестно, какой сюрприз меня ждет завтра.

Я шла по улице, не очень соображая, куда двигаюсь, и терла глаза, стараясь сдержать слезы. Если честно, очень хотелось зареветь – от обиды, от страха, но больше от обиды, потому что в словах Мелеха мне вдруг почудилась горькая правда.

– Чушь, – сказала я вслух и наконец огляделась, прекратив свое стремительное шествие в никуда.

Я стояла в парке, где женщине в эту пору совершенно нечего делать в одиночестве. На счастье, аллея была пуста, но не худо бы поскорее убраться отсюда. Я заспешила к выходу и вот тут-то обратила внимание на мужскую фигуру. Свет фонаря не достигал места, где стоял человек, и разглядеть его я не могла, но все равно здорово перепугалась, мне везде мерещился блондин. Я сбилась с шага, тревожно оглядываясь, до выхода из парка еще метров пятьдесят и их надо как-то преодолеть.

– Не бойтесь, – вдруг послышалось из темноты, и в круге света появился молодой человек, с которым я не так давно познакомилась в баре. Пока я стояла, соображая, хорошо это или плохо, Виктор приблизился и, широко улыбаясь, заявил: – Рад вас видеть.

– Вы что здесь делаете? – хмуро спросила я.

– Шел за вами от самого ресторана. Если не возражаете,

я вас провожу.

– Не возражаю, – подумав, ответила я.

– Вы где живете? – спросил Виктор, когда мы вышли из парка.

– На Верещагина, – ответила я, – но сегодня я ночью у подруги.

– Это разумно, – заметил он.

– Да?

– Вы не сердитесь. – Голос его звучал ласково, точно он говорил с ребенком. – Я же был в баре и видел... – Он вдруг смутился и, чтобы скрыть смущение, засмеялся: – Выглядело это впечатляюще, но разумным такой поступок не назовешь. Выплеснуть стакан воды в физиономию этого придурка, да еще публично... Вы давно знакомы?

– Всю жизнь, – невесело пошутила я. – Идемте к остановке. Подруга живет в Липках.

– А если мы с вами немного прогуляемся? Или для вас уже слишком поздно?

– Давайте пройдемся, – кивнула я. Действительно, следовало немного успокоиться. Ольга живет одна и позднему визиту не удивится.

И мы побрели по улице. В баре я не очень-то рассмотрела Виктора, а сейчас, пользуясь тем, что фонари, против обыкновения, горели, попыталась разглядеть его получше. На первый взгляд самая обыкновенная внешность: высокий, спортивный, лицо приятное. Мужчин с такой внешностью

наберется немало, но в нем было что-то особенное. Может, взгляд, насмешливый и одновременно ласковый, или улыбка. Она вдруг вспыхивала на его лице, и тогда оно мгновенно преображалось. В общем, через полчаса я пришла к выводу, что Виктор невероятно красив. А еще умница, к тому же с чувством юмора. Мы очень естественно перешли на «ты», что меня порадовало. Если б мы еще немного побродили, я бы наверняка обнаружила в нем бездну достоинств, но тут я взглянула на часы и поняла: если я собираюсь заночевать у Ольги, следует поторопиться, даже ее демократичная натура взбунтуется, явись я в два часа ночи.

– А вот здесь я живу, – вдруг сказал Виктор, кивнув на пятиэтажное здание, мимо которого мы проходили. – Зайдем?

Признаться, я удивилась, а вслед за этим мои добрые чувства к нему сменились подозрительностью. С чего это он взял, что я соглашусь зайти? Время для визита самое неподходящее.

– Спасибо, в другой раз.

– Честно? – спросил он, взяв меня за руку.

– Что? – не поняла я.

– Ну, ты сказала «в другой раз». Значит, он будет?

– Почему бы и нет?

– Я вот что подумал: может, тебе лучше переночевать у меня? Приставать не буду.

– Откуда такая доброта? – съязвила я.

– Мне понравилось, как ты это сделала, – засмеялся Вик-

тор. – Я имею в виду, как запустила стакан в рожу Мелеха. Редкое удовольствие увидеть такое... И мне не хочется, чтобы у тебя были неприятности. Короче, ты мне нравишься и я беспокоюсь.

– Спасибо, – кивнула я. – Думаю, мне лучше отправиться к подруге.

С этими словами я шагнула с тротуара с намерением остановить машину. И тут одна из проезжающих машин точно по волшебству притормозила, двери разом распахнулись, но что последовало за этим, я увидеть не успела. Виктор схватил меня за локоть и, не выпуская, рванул с места как ошпаренный. Я, мало что понимая, вынуждена была последовать за ним.

Мы влетели во двор дома, затем в подъезд, дверь с кодовым замком захлопнулась за нами. Я перевела дух, но Виктор, не выпуская моей руки, начал торопливо подниматься по лестнице, и я, конечно, тоже.

Он открыл дверь под номером «семь», и мы оказались в темной прихожей, чутко прислушиваясь. В подъезде царил тишина.

– Ты думаешь... – тревожно начала я, но Виктор сделал предостерегающий жест, прошел в кухню и, не включая света, замер у окна. Я подошла и встала рядом. Возле подъезда остановилась машина, трое мужчин о чем-то переговаривались. – Ничего себе, – пробормотала я.

– Вот-вот, – негромко отозвался Виктор, – а ты еще не

хотела меня слушать.

– По-твоему, это Мелех? Это он их послал?

Виктор пожал плечами.

– Не знаю. Возможно, мне привиделось с перепугу и Мелех здесь вовсе ни при чем, но проверять свои догадки я бы не стал.

– Если ты не против, я подожду с полчаса и вызову такси.

– Тебе лучше остаться у меня. Вдруг они решат подождать в машине?

Если честно, мне казалось, что он драматизирует ситуацию, но проверять свои догадки желания у меня, так же, как и у него, не было.

– Свет лучше не включать, – деловито продолжил он. – Светящееся окно привлечет внимание.

– Пожалуй, ты прав, – вынуждена была согласиться я. – Что же делать?

– Ложиться спать, это самое разумное.

– Ты живешь один?

– Один. Спальня в твоём распоряжении, а я устроюсь на диване. Идем, я провожу. Вот здесь ванная, свет можно включить. Если что-то понадобится... Сейчас полотенце принесу.

Пока я стояла под душем, Виктор успел приготовить постель себе и мне, проводил меня в спальню и пожелал спокойной ночи.

Я легла и, как водится в такой ситуации, уставилась в по-

толок. Страх отступил, и теперь мое поведение казалось мне дурацким. Спрашивается, что я делаю в чужой квартире? Я едва не свихнулась от ужаса, и все потому, что рядом остановилась машина. А ведь я даже не видела, кто из нее вышел. Преследовал нас кто-то или это тоже пустые страхи? Ну, стояла машина у подъезда, что с того? Однако и денек выдался сегодня! Утром уволили с работы, а теперь я лежу в чужой постели и ломаю голову... Не следовало мне идти к Мелеху и уж тем более швырять в него стакан. Такие, как он, злопамятны, не пришлось бы горько пожалеть о своей выходке.

Я ворочалась с боку на бок, изводила себя этими мыслями, и тут в тишине квартиры, словно гром небесный, раздался телефонный звонок. Я подскочила от неожиданности, а сердце забилось в сумасшедшем ритме, так что дышать сделалось трудно. За дверью раздались шаги, послышался голос Виктора:

– Да. Ты что спятил, звонить в такое время... а-а... ладно... да... хорошо...

Прислушиваясь к его словам, я начала понемногу успокаиваться. Судя по всему, звонил какой-то его знакомый, следовательно, ничего опасного.

Виктор закончил разговор, затем дверь спальни тихо скрипнула и он спросил:

– Ты спишь?

– Нет, – подумав, ответила я.

– Приятель позвонил. Совсем чокнулся. – Виктор прибли-

зился и сел на краешек кровати. – Как ты? – спросил он, не глядя на меня.

– Нормально, – пожала я плечами.

– А мне не спится. Не возражаешь, если я посижу здесь?

Что ответить на это, я не знала, натянула одеяло и уставилась на Виктора. Возле окна горел фонарь, света было достаточно, чтобы мы хорошо видели друг друга.

– Что у тебя с этим Мелехом? – спросил он, а я ответила вопросом на вопрос:

– Ты с ним знаком?

– Нет, – вроде бы с удивлением пожал он плечами. – Знаю, что он хозяин этого ресторана.

– И часто ты там бываешь?

– Когда деньги есть лишние. А их почти никогда нет. Я в баре приятеля ждал, тот обещал подкинуть работенку.

– А чем ты вообще занимаешься?

– У нас с другом свое дело, так, ерунда – визитки печатаем и прочую чушь в том же роде. А чем ты занимаешься, когда не воюешь с Мелехом?

– Последнее время в основном воюю.

– Не хочешь рассказать, что у вас за дела?

– Не хочу.

– Как знаешь, – опять пожал он плечами, но было заметно, что обиделся.

– Спасибо тебе, – подумав, сказала я.

– Брось. За что? Ничего особенного я пока не сделал. Не

буду тебе мешать, – сказал он, поднимаясь. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответила я.

Когда я открыла глаза, часы показывали 10.30. Виктор спал в гостиной, закутавшись в плед. Я кашлянула. Виктор тут же поднял голову, взглянул на часы и улыбнулся.

– Как спалось?

– Нормально, – ответила я и вышла из комнаты.

– Идем пить кофе, – крикнул он через несколько минут. За это время я успела умыться. – Я готовлю отличный кофе, – заявил он, когда я появилась в кухне.

– Время почти одиннадцать, тебе, наверное, пора на работу.

– Ерунда, появлюсь после обеда. Максим один справится. Могу приготовить тебе завтрак.

– Спасибо. Я по утрам не ем. Кофе отличный. – Я поднялась из-за стола.

– Ты куда? – вроде бы удивился Виктор.

– Домой, – удивилась в ответ я.

– Может, лучше к подруге? – Я покачала головой, а он сказал: – Тогда я тебя провожу.

– Не надо. Ты и так слишком много для меня сделал.

– Ты говоришь это так... я тебе чем-то неприятен?

– Вовсе нет, – ответила я. – Напротив, просто днем я боюсь гораздо меньше, чем ночью и...

– Я тебя провожу, – перебил он.

На сборы ушло минут десять. Мы спустились во двор, и Виктор направился к машине, стоявшей в нескольких метрах от подъезда. «Опель» выглядел как новенький, и я подумала, что дела у Виктора, должно быть, идут неплохо.

– Садись, – кивнул он. Я села, он завел машину, и мы плавно тронулись с места. – Улица Верещагина, а номер дома? – спросил он, выезжая на проспект.

– Восьмой. Квартира тоже восьмая.

– А телефончик есть? – улыбнулся он.

– Есть.

– Девушка, – дурашливо пропел он, – дайте телефончик...

Мой двор встретил нас заливистым лаем двух пуделей и настороженными взглядами старушек-соседок. Вчерашний визит милиции они, должно быть, не проглядели и теперь строили догадки. Виктор посмотрел на меня и как-то неуверенно спросил:

– В гости пригласишь?

– Сейчас?

– Почему бы и нет?

– Пойдем, – пожала я плечами, – раз ты на работу не спешишь, а меня с моей выперли.

Я достала ключ и замерла перед дверью: она была приоткрыта.

– Ты одна живешь? – растерялся Виктор.

– Одна.

Нахмурившись, он толкнул дверь и вошел, после чего присвистнул и сказал:

– Мама моя...

Ожидая самого худшего, я вошла следом и огляделась, после чего длинно выругалась, что, безусловно, не делало мне чести как женщине, зато точно передавало мое душевное состояние в ту минуту.

За ночь квартира претерпела значительные изменения и теперь больше напоминала свалку.

– Ну надо же, – покачала я головой.

– Да-а... – протянул Виктор, – кто-то здесь здорово порезвился. Слава богу, что тебя на тот момент не оказалось дома.

Я кивнула и совершила обзорную экскурсию по жилищу, телефон валялся на полу, но работал. С тяжким вздохом я набрала 02, закончила общение с дежурным и повернулась к Виктору, который сидел, привалившись к стене, и все еще оглядывался.

– Тебе лучше уйти, – сказала я печально.

– Почему? – нахмурился он.

– Зачем тебе лезть во все это? То есть я хочу сказать...

– Да, я понял, – кивнул он. – Жить тебе дома нельзя, сама видишь... У подруг тебя найдут. А обо мне никто не знает.

– Я не очень понимаю... – заметила я, потому что в самом деле не понимала.

– А чего тут понимать? Поживешь пока у меня.

– Пока – чего? – сказала я с усмешкой.

– Пока не придумаем, что делать дальше. Вот тебе мой телефон, как только менты уедут, сразу позвони. Одна из квартиры – ни на шаг. Поняла?

– Поняла, – кивнула я, думая, что квартира, к сожалению, убежище ненадежное.

– Тебе лучше у соседей подождать, пока менты приедут. Зная их расторопность...

– Пойдем, – кивнула я, – если тебя здесь застанут, о тебе очень быстро и Мелех узнает.

– Это точно.

Мы вместе вышли на лестничную клетку, торопливо простились, он начал спускаться, а я позвонила в квартиру соседки.

Милиция пожаловала через час, и первым, кого я увидела, был Юра.

– Что у вас? – спросил он со вздохом.

– Взгляните, – пожалала я плечами. Соседка, которая вышла встречать милицию вместе со мной, заохала, Юра огляделся, второй милиционер прошелся по квартире и покачал головой.

– Соседи что-нибудь слышали?

– Я ничего не слышала, – зачастила Ольга Васильевна, – у меня окна на улицу, рядом ночной клуб – то орут, то машины подъезжают, – а общая стена только в кухне, ночью

я на кухню не выходила. Клавдия Петровна вообще глухая, а внизу Вовка живет, пьяница, ему хоть из пушки стреляй, ничего не услышит.

– Ясно, – вздохнул молодой человек, а Юра сказал:

– Ты все-таки пройдишь по соседям, поспрашивай... Полина Владимировна, – повернулся он ко мне, – что из вещей пропало?

– Разве тут поймешь?

– Такое впечатление, что здесь что-то искали.

– Напрасно. Ценностей у меня нет, я вам об этом вчера говорила.

– Где ночевали?

– У подруги.

– Разумно, – сказал он, продолжая оглядываться, и пробормотал под нос: – Интересно, что они придумают в следующий раз?

– Они? – возвысила я голос.

– Не обращайтесь внимания, это я о своем.

Юра, поставив на место стол, занялся составлением бумаг. Вернулся его товарищ, но ничем не порадовал – разумеется, никто ничего не видел и не слышал. Нежелание людей наживать себе неприятности было мне вполне понятно, поэтому я не удивилась.

Появился еще один молодой человек и занялся отпечатками пальцев, а я скучала, сидя в уголке. Страх и злость ушли, осталось лишь тупое равнодушие. Где-то через полчаса муж-

чины закончили работу и, простившись, покинули квартиру, Юра, однако, задержался.

– Что собираетесь делать? – спросил он.

– Займусь уборкой.

– Я не об этом. – Он нахмурился, должно быть, злясь на мою бестолковость, но мне на это было наплевать.

– Чтобы уехать, нужны деньги, у меня их нет, – сказала я равнодушно.

– Поручите продажу квартиры какой-нибудь фирме, а сами поживите у друзей.

– Спасибо за совет, – кивнула я.

Он немного потоптался, желая что-то сказать, но то ли не решился, то ли мысль ушла, кивнул и исчез за дверью. Я оглядела свои хоромы и вздохнула, после чего занялась расстановкой мебели. Минут через десять в дверь позвонили, на пороге стоял Виктор.

– Уехали?

– Да. Только что.

– Я ведь просил сразу же сообщить мне, – недовольно заметил он.

– Я как раз собиралась...

– Пытаешься навести порядок?

– Пытаюсь.

Он сбросил куртку и взялся мне помогать, работа пошла веселей. Часа через три квартира приобрела вполне сносный вид, но особого оптимизма это не вызвало. Радуюсь тому, что

нашлись целые чашки, я заварила чай и пригласила Виктора к столу.

– Ты был на работе?

– Заезжал. Сейчас моя работа меня меньше всего волнует. Давай подумаем...

– Послушай, – перебила я, – тебе не стоит вмешиваться. Помочь ты не сумеешь, а неприятности наживешь наверняка.

– Может, ты расскажешь, что у тебя с Мелехом?

Я подумала и рассказала, потому что вреда от этого не видела.

– Да-а, – покачал головой Виктор, выслушав мой рассказ. – Вражда у вас ни на жизнь, а на смерть. Он тебе предлагал все блага земные, а ты посмела отказаться. Такое не прощают...

– Вот-вот, – поддакнула я, – оттого и прошу: не лезь ты в это дело.

– Я тебя понимаю, – серьезно заговорил Виктор, – но и ты меня пойми: очень не хочется перед каждой сволочью прогибаться. Я хочу тебе помочь. И помогу. О квартире не беспокойся, вопрос решим. А поживешь пока на даче. Вряд ли Мелех при всех своих связях сможет отыскать тебя там. Собирай вещи, и поехали. Подругам без особой надобности не звони и о своих планах помалкивай.

Я задумалась: стоит ли соглашаться? Что я знаю о Викторе? Ровным счетом ничего. В такой ситуации разумнее об-

ратиться к близким людям... и подвергнуть их возможной опасности? А Виктора я разве не подвергаю опасности? В конце концов, он сам вызвался. Он взрослый человек и... мне нравится. Вот именно. На душе кошки скребут, а в такое время хочется, чтобы рядом был мужчина.

Я вздохнула, прерывая поток мысленного красноречия, и начала собирать вещи. Набралось их немного.

– Все? – спросил Виктор, подхватил сумку, и мы покинули квартиру.

Оказавшись в машине, я расслабилась, но умиротворенное состояние продлилось лишь до ближайшего светофора.

– Черт, – пробормотал Виктор, напряженно глядя в зеркало.

– Что случилось? – испугалась я.

– «Шевроле» за нами пристроился, – облизнул он губы. – Выехал из подворотни и сидит на «хвосте», как приклеенный. – Я оглянулась, ища глазами «Шевроле». – Не вертись, – шикнул Виктор, – пусть думают, что мы не заметили.

Вспыхнул зеленый свет, и мы плавно тронулись с места.

– Вот что, – все еще глядя в зеркало, сказал Виктор, – сейчас подъедем к универмагу, машину оставим на стоянке, сумку тоже придется оставить, не то это покажется подозрительным. Как войдем в здание, сразу сворачивай налево, там служебный вход. Все надо сделать быстро, не то оторваться от них не успеем.

Мы въехали на стоянку («Шевроле» с интервалом в пол-

минуты последовал за нами) и оставили машину прямо напротив входа в универмаг. Стараясь выглядеть беззаботными, вошли в здание. Слева действительно была дверь с надписью «Служебный вход», не задумываясь, я рванула туда, Виктор за мной. Мы оказались на лестнице, торопливо поднялись на второй этаж, прислушиваясь, нет ли погони. Все было тихо. Прошли длинным коридором и оказались возле точно такой же лестницы. Дверь внизу выходила прямо на улицу и была заперта на засов. Виктор открыл ее и огляделся. Из-за его плеча я увидела два грузовика в нескольких метрах от двери и мужчин в рабочих комбинезонах, они о чем-то переговаривались. Виктор взял меня за руку и шепнул:

– Вон туда, к гаражам.

Если честно, к тому моменту соображать я уже перестала и просто повиновалась командам, что в данной ситуации было наиболее разумным. Мы быстро пересекли двор, не привлекая внимания рабочих, по крайней мере, нас никто не окликнул и не поинтересовался, что нам здесь надо. От соседнего переулка двор универмага отделял низкий забор, который мы без особого труда преодолели.

– Куда теперь? – спросила я.

– Следы замечаем. Возле сквера стоянка такси. Потерпи еще немного.

Терпеть я была готова, только вот не очень понимала, что происходит, и от этого испытывала большие неудобства. В

конце концов, мы оказались в такси, Виктор сказал, куда ехать, и через полчаса мы уже тормозили возле двухэтажного кирпичного дома в Отрадном, выглядевшего весьма респектабельным.

– Это твоя дача? – насторожилась я.

– Это дача моего приятеля. Не волнуйся, он в курсе, – успокоил меня Виктор, – я имею в виду, он знает, что я собираюсь пробыть здесь некоторое время с любимой девушкой. На мою дачу теперь, пожалуй, соваться не стоит. Номер машины им известен, и узнать обо мне все, что надо, они смогут довольно быстро.

– Я ведь предупреждала, – недовольно проворчала я.

– Все будет хорошо. – Виктор подмигнул мне и достал из кармана ключ.

Мы вошли в просторный холл. Пока я осматривалась, Виктор запер дверь, протопал на кухню и позвал оттуда:

– Полина...

Кухня была огромной, обставленной дорогой мебелью. Витя заглянул в холодильник.

– Продуктов хватит на неделю. Дом в твоем распоряжении, ключи я тебе оставляю, дверь никому не открывай, кроме меня, конечно, из дома никуда не выходи. В общем, располагайся... – Он улыбнулся и пошел к двери.

– Витя, – испуганно позвала я.

– Да?

– Послушай... – Я мучительно подбирала слова и не на-

ходила их. — Может, не стоит мне здесь оставаться?

— Уверю тебя, это надежное место.

— Я не об этом.

— А о чем? — растерялся он.

— О том, что делать дальше. Не могу же я вечно прятаться.

— Ты ведь хотела продать квартиру и уехать, так? Ну вот, будем придерживаться твоего плана. Я просто хочу быть уверенным, что ты в полной безопасности. — Он подошел, обнял меня и поцеловал, затем отстранился и ласково сказал: — Мне надо возвращаться в город. Вечером постараюсь приехать. Но если не получится, не беспокойся. Здесь есть телефон, в случае чего — позвоню. Запри за мной дверь.

Он ушел, а я некоторое время бесцельно бродила по дому, потом устроилась перед телевизором и часа два тарасилась на экран.

Я приготовила ужин, в ожидании Виктора чутко прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы. Иногда проезжали машины, возле дома напротив появились женщины и с полчаса прогуливались по улице. Я то и дело смотрела на часы. В половине двенадцатого не выдержала и позвонила Виктору, мне никто не ответил. Прослonyaвшись по дому до двух, я легла спать, уже не надеясь, что он приедет.

Проснулась я поздно и сразу позвонила. Домашний телефон Виктора ответил длинными гудками, я позвонила на работу, мужской голос весело меня поприветствовал.

– Могу ли я поговорить с Виктором? – спросила я.

– Не можете, дорогая, – ответил мужчина.

– Вы не скажете, где он?

– Понятия не имею. Если увидите его раньше меня, передайте, что не худо бы ему появиться на работе.

Данный разговор покоя в мою душу не внес. Я села у окна, настроив себя на терпеливое ожидание. Каждые полчаса я без всякого толка звонила, неоднократно собиралась ехать в город, но в последний момент останавливалась. Если Виктор сказал ждать здесь, разумнее так и поступить.

– С ним ничего не случилось, – повторяла я, пугаясь все больше и больше. – Он приедет или позвонит.

День сменился вечером, потом пришла ночь, а Виктор так и не объявился. Я легла и под утро забылась тревожным сном, а пришла в себя от того, что скрипнула дверь.

– Витя, – крикнула я, вскакивая, и испуганно замерла.

В комнату вошел мужчина лет сорока, среднего роста, с насмешливым выражением на круглой физиономии. «Должно быть, хозяин», – подумала я, но тут появились еще двое, рослые здоровячки, из тех, что всегда вызывают обоснованное беспокойство. Я переводила взгляд с одного на другого и прикидывала, какой подарок припасла мне судьба. Между тем старший прошелся по спальне и замер, опершись на спинку кровати. Двое его спутников остались возле двери, глядя на меня без особого интереса.

– Доброе утро, – с ухмылкой сказал мужчина. Отвечать

я не стала. – Накинь что-нибудь, – посоветовал он, – а то у моих ребят нервы слабые.

– Может, вы выйдете из комнаты? – попросила я, не очень-то рассчитывая на удачу.

– Перебьешься, – хихикнул он.

Я оделась, стараясь не обращать внимания на мужчин, но не удержалась и спросила:

– Вы кто?

– Друзья, – кивнул он в ответ. – Зовут меня Павлом Степановичем, можно просто Павел. Это Игорь и Артем. Ребята они хорошие, но нервные, предупреждаю на тот случай, если вздумаешь дурака валять: орать или в окна выпрыгивать.

– От друзей в окна не выпрыгивают, – мрачно заметила я и удостоилась очередной ухмылки.

– Тут штука вот такая, мы бы очень хотели подружиться, но если вдруг не получится... не завидую я тебе.

– Понятно, – кивнула я.

– Видеомагнитофон есть? – спросил Павел.

– В гостиной.

– Тогда идем туда.

Мы прошли в гостиную. Павел с хозяйским видом устроился в кресле, я осталась стоять, за моей спиной маячил Артем, а Игорь вставил в видеомагнитофон кассету, взял пульт и сказал с придурковатой улыбкой:

– Сейчас будет кино.

Пока я терялась в догадках, что все это значит, на экране

появился Виктор, исторгнув из моей груди стон отчаяния, потому что пребывал он в довольно плачевном виде. Прежде всего он был привязан к стулу, на котором сидел, что чересчур прозрачно намекало на его статус пленника, рот его был заклеен скотчем, взгляд затравленно метался, по подбородку стекала кровь. В кадре возник Игорек и ударил Виктора ногой, в результате чего тот полетел на пол вместе со стулом. Я зажмурилась и сказала:

– Слушайте, этот парень здесь совершенно ни при чем.

– А мы здесь все ни при чем, – в тон мне ответил Павел Степанович. – Дальше смотреть будешь или достаточно?

– Достаточно, – поежилась я. Экран погас, а Павел кивнул мне на соседнее кресло.

– Садись, в ногах правды нет.

– А где она есть? – буркнула я.

– Тоже верно, – легко согласился он.

– Я этого парня знать не знаю, – продолжала канючить я. – Мы встретились позавчера в баре, вот и все.

– Выходит, ему не повезло. Игорек разгневался и сломал ему пару ребер, но это пустяки, потому что смерть у него будет такой, что говорить о ней не хочется.

– Вы что, спятили? – опешила я. – Говорю вам, он здесь ни при чем, мы встретились случайно, он решил мне помочь. И вот результат...

– Да я понял, понял. Но и ты нас пойми. Если ты нам не захочешь помочь, с какой стати нам его жалеть?

– Помочь? – нахмурилась я, мало что соображая. До того момента я была уверена, что всем происходящим обязана Мелеху, и вот нате вам, что-то новенькое.

– Помочь, – кивнул Павел, насмешливо глядя на меня.

– И в чем должна заключаться моя помощь?

– Надо убить Мелеха, – ответил он с таким видом, точно речь шла о том, чтобы сбегать в соседний магазин за хлебом. Я вытаращила глаза и некоторое время сидела в полной прострации, после чего пробормотала:

– Ни фиги себе...

– Да ты не горюй, – перегнулся ко мне Павел и потрепал по плечу. – Дело-то, в общем, обычное.

– Для кого как, – возразила я. – Может, для вас... Вы что, психи? – не выдержала я.

– Нет, – замотал головой Павел, – нервные немного, но чтоб психи – нет.

– По-моему, вы не нервные, вы форменные придурки. – Злость сыграла со мной плохую шутку, я забыла об осторожности. Рядом незамедлительно возник Игорек, замахнулся, его намерения стали для меня совершенно очевидны, я закрыла голову руками, а Игорек так и замер с поднятой рукой, потому что вмешался Павел:

– Спокойнее, девочка уже пришла в себя и хамить больше не будет. Точно?

Игорь пожал плечами и отошел, а я, дождавшись, когда он удалится на почтительное расстояние, убрала руки.

– Возможно, я выгляжу бестолковой, – подумав немного, со вздохом начала я, – или вы не совсем ясно выражаетесь, но я не понимаю...

– Чего ж не понять? – удивился Павел. – Мы хотим, чтобы наш общий друг Мелех сыграл в ящик.

– Так вы не от него? – нахмурилась я. – В смы-сле...

– Да понял я, понял... Нет, мы из другой компании. Там его не любят. Если честно, он нам как кость в горле. Пока можно было, терпели, а теперь, поверишь ли, сил больше нет. Так что пришла пора отправить его в дальнюю дорогу. – Павел выразительно закатил глаза к потолку, а у меня возникло чувство, что я каким-то образом оказалась в сумасшедшем доме. Я потерла нос, посидела немного, разглядывая стену напротив, и изрекла:

– Решайте свои проблемы, я же не против, только я-то тут при чем?

– Без тебя никак не склеивается, – заверил Павел. – Эта гнида сидит в своем кабаке и носа нигде не кажет. А охрана там – будь здоров. Мы чего уж только ни придумывали: и человечков своих подсылали, и разные технические достижения применяли – без толку, – весело сообщил он. – Нюх у него собачий и охрана достойная всяческого уважения, опять же, техническими достижениями он тоже не брезгует.

– И что дальше? – нарушая возникшую паузу, спросила я.

– Как что? Вы с ним старые знакомые, тебе, как говорится, и карты в руки. Загляни к нему по-дружески...

– Не выйдет, – перебила я, – то есть по-дружески не выйдет. Вы, должно быть, не в курсе: у нас с ним застарелая вражда.

– В курсе, – сообщил Павел. – И то, что ты ему в рожу стакан швырнула, мы знаем. Говорят, выглядело это впечатляюще. Зная характер Мелеха, приходится удивляться, как ты смогла покинуть ресторан в столь цветущем виде?

– Я ему жизнь спасла, – решила я внести ясность. – Давно, правда, и совершенно случайно. Но именно это, скорее всего, не позволяет ему вот так запросто свернуть мне шею. Хотя позавчера он предупредил, что повторять опыт со стаканом не стоит, убить грозился. Если честно, я поверила.

– Вот видишь, у тебя есть повод с ним встретиться. Так, мол, и так, Коленька, пришла извиниться за свою невоспитанность.

– Шутите, – хмыкнула я. – Ну, допустим, приду я, и что? Сами говорите – там охрана и чутье у Коленьки... Он должен заподозрить неладное, если я вчера стаканами швыряюсь, а сегодня извиняться прихожу.

– А женская хитрость? – игриво поинтересовался Павел.

– Наверное, ее мне при раздаче не досталось, – посетовала я и опять тяжело вздохнула: – Павел Степанович, наш разговор не кажется вам бредом?

– Мне – нет.

– А мне – да, – вновь начала я злиться. – Конечно, Мелех – тип малопрятный, если честно, он мне тоже как кость в

горле, и исчезни он вдруг куда-нибудь, я бы точно возражать не стала, но... как бы это выразиться, чтобы вас не обидеть... Я ж не могу в самом деле убить человека.

– Тут ведь какая штука, – очень натурально пригорюнился Павел, – тут либо парнишка этот, Витя, кажется? Либо Мелех. Одного из них придется убить, так что решай, которого. Либо ты Мелеха, либо мы парня.

– Нет, вы все-таки чокнутый, – рассвирепела я. – Да как я его убью? Стрелять я не умею, стукнуть человека по голове чем-то тяжелым не смогу, что ж мне его, мышьяком травить? – Павел засмеялся, а я продолжила: – Опять же, исходя из ваших собственных слов, покинуть дом после совершенного убийства я не сумею, раз там полно охраны и все невероятно бдительные. Выходит, с моей стороны – это акт самоубийства, а парня, то есть Виктора, я едва знаю, так что с какой радости мне принимать героическую смерть во имя его спасения?

– Логично, – кивнул Павел. – Только если ты нам помочь откажешься, никакой гарантии, что сама после этого долго будешь жить. Если честно, выхода у тебя нет. Либо помогать, либо... сама понимаешь. А Витя – так, для психологического давления.

– Не могу я человека убить. Не могу, – не на шутку разозлилась я.

– Закон джунглей знаешь: сильный поедает слабого. Ты не убьешь, так тебя убьют. На самом деле все гораздо проще. Не

надо, многоуважаемая Полина Владимировна, ни стрелять, ни травить, ни по башке ему стучать, потому что тут вы правы: вряд ли у вас получится – ни навыка, ни сноровки. Завалите дело – нам же хлопотней. Не этого мы хотим от вас, дорогая, а сущей малости. Надо эту крысу из его норы выкурить, чтобы он покинул свое убежище, причем один, без охраны. И тут уж без ваших чар и женской хитрости никак не обойтись.

– То есть, если я вас правильно поняла, мне надо выманить его из дома?

– Не просто выманить, а препроводить в некое удаленное от людских глаз место, где мы сможем спокойно сделать свое дело.

– Ага. И после этого вы отпустите Виктора и оставите меня в покое?

– Точно, – обрадовался он, но я его радости не разделила.

– Так я вам и поверю.

– Выхода-то у тебя все равно нет, – пожал он плечами. – Так что лучше поверить, тем более что обманывать тебя я не собираюсь. Сделаешь дело и гуляй себе, к ментам ты не побежишь, потому что формально явишься соучастником убийства со всеми вытекающими последствиями и избавляться от тебя мне резона нет. Ну, так что?

– Допустим, я согласна, – пожала я плечами, продолжая чувствовать себя гостем психиатрической больницы. – Отпустите Виктора.

– Извини, дорогая, – проникновенно улыбнулся он, – но это никак невозможно. Придется ему немного помучиться, это и тебя заставит поторопиться. Срок даю неделю. Если через неделю господин Мелех все еще будет коптить небо, молодой человек по имени Витя лишится... скажем, левой кисти руки. Заметьте, левой, мы не звери. Если и это не подействует...

– Уже подействовало, – перебила я. – Будь моя воля, я хоть сегодня привела бы вам Мелеха на веревочке. Но все не так просто. Он осторожен, следовательно, не побежит на мой призыв к черту на кулички, да еще без охраны. Опять же, отношения у нас не сложились, так что бегать ему, по большому счету, и вовсе ни к чему. Мне потребуется время...

– Неделя, – широко улыбнулся Павел. – За неделю такой красавице ничего не стоит заморочить мужику голову и выманить его, к примеру, на дачу.

– И где эта дача? – нахмурилась я.

– Я тебе сообщу, как только в ваших отношениях наметится прогресс. Ну вот, пожалуй, и все. – Он легко поднялся, а сопровождающие его лица направились к двери. – Удрать не пытайся – пустое дело, предупреждаю дружески. За возможную попытку расплачиваться будет твой приятель какой-либо частью тела, не настолько значительной, чтобы скончаться, однако ничем лишним господь нас не наградил. Взять, к примеру, ухо – ерунда, и без него жить можно, но и лишиться его весьма неприятно. Как считаешь?

– Считаю, – кивнула я со злостью.

– Отлично. Ребята будут за тобой приглядывать. Отсчет времени пойдет, скажем, с двенадцати. Так что... поспеши, Полиночка, время – деньги, это в нашем случае, а в твоём – жизнь. Ах да, вот еще что. – Он извлек из кармана пачку долларов и бросил на стол. – Это тебе на расходы. Если женщина желает соблазнить мужчину, тут без трат не обойтись. Ни в чем себе не отказывай. Если деньги понадобятся еще, сообщи.

– Как?

– Я буду с тобой регулярно связываться по телефону. – Рядом с деньгами оказался мобильный, и Павел, излучая доброжелательство, закончил: – Успехов вам, дорогая.

– И вам того же, дорогой, – проворчала я.

Троица не спеша исчезла за дверью, а я еще некоторое время сидела в кресле и тупо пялилась в окно. Сказать, что визит произвел на меня впечатление, значило бы исказить истину. То есть впечатление, конечно, было, но оно больше напоминало ураган, да такой, после которого ни мыслей в голове, ни чувств – одна кромешная тоска. Ясно было, что в одиночку я с ситуацией не справлюсь. Мне одна дорога – в милицию, хотя пока особой помощи я от них не видела. Но тут дело другое: мои неожиданные гости не шутили, следовательно, речь идет об организации убийства. Менты должны зашевелиться.

Я потянулась к телефону, но рука замерла на полпути:

неизвестно, сколько эти типы пробыли здесь, пока я не проснулась, а ежели так, то им ничто не мешало зачихнуть в аппарат какую-нибудь пакость в виде подслушивающего устройства. Я в подобных вещах не сильна, но сериалы посматривала и точно знала: такие штучки существуют, а Павел что-то там болтал о технических достижениях. Пожалуй, этот телефон не годится. В целях собственной безопасности лучше воспользоваться телефоном-автоматом.

Допустим, я позвоню, расскажу о поступившем предложении, и что дальше? А дальше пусть болит голова у них. Спасать Виктора, охранять Мелеха да и меня в придачу – это как раз работа милиции.

Мысль мне понравилась, но лишь в первые пять минут. Потом сделалось еще тоскливее, потому что стало ясно: это не выход. Если Павел не шутил (а я верила его угрозам), Виктор заплатится за мой звонок какой-то частью тела, а возможно, и жизнью, потому что очень вероятно, что тайна перестанет быть тайной. У Мелеха наверняка есть свои люди в милиции, о моем звонке он тоже узнает, а вскоре о его осведомленности узнает Павел со всеми вытекающими отсюда последствиями. Значит, просто набрать 02 не годится. Что тогда? Никаких добрых чувств к своему врагу я не питала, но не могу же я в самом деле участвовать в его убийстве. Вот если бы его пристрелили как-нибудь без моей помощи, пожалуй, я и свечку Богородице поставила бы за доброе дело, а так... Предупредить его я тоже не могу: судьба Викто-

ра его едва ли озаботит, следовательно, расплачиваться придется Виктору, а вслед за ним и мне.

Я грязно выругалась и прогулялась по комнате. Стоящих мыслей не возникало, как говаривала моя бабушка: куда ни кинь, всюду клин. «Добрые поступки совершать вредно, – подумала я, – угораздило спасти Мелеха – и в результате несколько лет меня по пятам преследуют несчастья. Виктор совершил благородный поступок, и нате вам: сидит привязанный к стулу и готовится принять мученическую кончину». Я поискала кассету, но нигде не обнаружила, должно быть, Игорек прихватил ее с собой.

Что ж делать-то, господи... Сидеть бы тихо, а благородство и жаркий энтузиазм засунуть в одно известное место. Но с разумным решением я малость припозднилась и Витя тоже. Надо выручать парня... и себя. Вопрос прежний: как? В этот момент я вспомнила о Юре. А что? Он сотрудник милиции, к тому же человек вроде бы порядочный, вот ему и карты в руки. Главное, как добраться до Юры и все рассказать ему. Он оставил мне визитку и даже домашний номер записал. Я так воодушевилась неожиданной простотой решения, что, наспех одевшись, бросилась к двери. Меня неудержимо потянуло к телефону-автомату.

Покопавшись в сумке, я нашла визитку Юры и с облегчением вздохнула, затем вышла на крыльцо и огляделась. Не похоже, что в кустах кто-то прятался, однако я не очень-то доверяла своим наблюдениям. Я заперла дверь и сбежала по

ступеням к калитке. Улица была пуста и сонно-безмятежна, даже котов нигде не видно.

Повертев головой, я направилась к магазину и рядом с ним обнаружила автобусную остановку, а за углом так необходимый мне телефон-автомат. Я вошла в кабинку и стала набирать номер, доставать визитку для этого не пришлось, телефон я запомнила.

В трубке послышались длинные гудки, а я вздохнула, собираясь с силами. Вдруг возле моего лица мелькнула чья-то ладонь, рычаг под напором крепких мужских пальцев опустился, а я, вскрикнув, повернула голову и в опасной близости от себя обнаружила здоровячка Артема.

– Ты куда это звонить собралась? – с крокодильей лаской поинтересовался он.

– Подруге, – поспешно ответила я, прижимаясь к стенке.

– Так у тебя мобильник есть, – напомнил он.

– Да, – не стала я спорить, – но мне никто не говорил, что я могу им пользоваться в личных целях.

– Пользуйся, – кивнул Артем, – мы люди не бедные.

– Спасибо, – серьезно ответила я и попробовала пошевелиться. – Может, мы тогда выйдем?

– Может, – вторично кивнул Артем и в самом деле вышел. Я вздохнула с облегчением и последовала за ним.

– Подруга, наверное, беспокоится, – стоя напротив него, продолжила я развивать свою мысль.

– Наверное. А чего тебе из дома не звонилось?

– Из головы вылетело со всеми этими переживаниями. Вот увидела телефон и вспомнила.

– Ты главное помни, что тебе сказали, – подмигнул Артем. – Сунешься к ментам и того... каюк твоей красоте и всему прочему. Только мокрое место останется.

– Хватит меня пугать, – обиделась я, – могу расстроиться, а в таком состоянии справиться с поставленной задачей я не сумею.

– Извини, – развел руками Артем, – только если ты еще раз к автомату кинешься, я...

– Поняла, – испуганно глядя в его глаза и сокрушенно кивая, сказала я. – Я на них даже смотреть не буду. – Он насмешливо улыбнулся, а я, завидя автобус, обрадованно сообщила: – Мой номер. Ну, я побежала...

– Давай.

Я запрыгнула в автобус, а когда устроилась возле окна, этого гада и след простыл. Куда же он делся? Я-то думала, парень устремится за мной, но у него, как видно, были другие планы. Я прошла на заднюю площадку и уставилась на дорогу, пытаясь определить, следует кто-то за автобусом или нет. Дело это оказалось нелегким. Машин предостаточно, а вот сидит ли в одной из них Артем, не разглядишь. К тому же вовсе не факт, что приглядывать за мной поручили ему или Игорю, могут быть еще здоровячки, которых я никогда не встречала. Они меня знают, а я их нет, и что прикажете делать в такой ситуации?

Автобус свернул на проспект, я вышла на ближайшей остановке и далее до своего дома проследовала на маршрутке, по-прежнему пялясь в окно и пытаюсь определить своих конвоиров. Толку от этого не было, что настроения мне не прибавило.

Войдя в родную квартиру, я и вовсе затосковала. Хотя мы с Витей и силились придать ей жилой вид, она здорово удручала, а телефонный аппарат наводил на пессимистические мысли. Если меня оставили с ним наедине, значит, ясное дело: пользоваться им нельзя.

– Вот дерьмо, – высказала я наболевшее и первым делом заревела. Толку от этого не было, но некоторое облегчение принесло.

Я прошла в кухню, сварила кофе и опять задумалась. Кажется, такое положение называется безвыходным. Это вдруг разозлило. Я вновь повторила: «Вот дерьмо», напряженно вглядываясь в пейзаж за окном, но теперь в моих словах слышалась не тоска, а решимость. Допустим, они за мной следят (не допустим, а следят), но повсюду сопровождать меня они все-таки не смогут, есть места для них недоступные: к примеру, ресторан «Сфинкс». Если они не дураки и не желают вызвать подозрения Мелеха, то должны держаться подальше от этого заведения. Хотя черт их знает, может – им там как раз и положено сидеть.

Допустим, все-таки мне повезет... конечно, повезет, не надо падать духом. Главное – не ловить ворон и использо-

вать любой благоприятный случай, а пока он не представится, делать вид, что я исправно тружусь над поставленной целью, то есть пытаюсь соблазнить Мелеха.

При этой мысли я скривилась. Хорошо соблазнение, если вместо добрых чувств налицо обоюдная ненависть. Допустим, мы встретимся, и что, мне ему кинуться на шею? Во-первых, противно, во-вторых, он заподозрит неладное. «Соблазнять и делать вид, что соблазняешь, не одно и то же», — мудро рассудила я. Вот и отлично, стараемся изо всех сил и ждем подходящего момента, чтобы позвонить Юре.

«Делать вид» я начала через два часа. Отправилась в парикмахерскую, а потом по магазинам. Купила себе костюм, который, по моим представлениям, как нельзя лучше подходил для соблазнения и, нагруженная покупками, вернулась к себе, по дороге не забывая присматриваться. Ничего похожего на слежку. Может, я зря боюсь, пугнули раз и отстали? А если нет? Не могу я рисковать...

В общем, я вернулась домой, так и не узнав, следят за мной или нет. Сделала несколько звонков подругам, а потом начала поглядывать на часы. Время неумолимо приближалось к вечеру, а у меня отсутствовал план соблазнения. А между тем я должна показать людям, что всей душой стремлюсь выполнить их задание. Если в голову не приходит ничего путного, лучше просто отправиться в «Сфинкс». В прошлый раз Мелех сам узнал о моем появлении, вдруг и сегодня повезет? Допустим, повезет, но как я ему объясню свой

визит? Соскучилась я, гражданин Мелех, по вашей мерзкой физиономии, вот и пришла взглянуть, а уж он-то как, должно быть, обрадуется...

В досаде я махнула рукой, решив не забивать себе голову раньше времени, вот встретимся, тогда и буду гадать, что ему наврать, может, сегодня и не увидимся... У меня всего неделя, неделя на то, чтобы не только изыскать возможность сообщить о происходящем Юре, Юра в течение этой недели еще должен успеть придумать, как спасти Виктора.

Ресторан явно пользовался популярностью. Разноцветные огни рекламы зазывно сверкали, а стоянка была забита машинами. Я приехала на такси и теперь беспомощно оглядывалась, потому что чувствовала себя неуютно.

«Не стой столбом», – шикнула я себе и направилась к дверям.

Молодой человек, который дежурил у входа, улыбнулся мне, и это неожиданно меня взбодрило, гораздо увереннее я вошла в холл и проторенным путем направилась в бар, обнаружила свободное место возле стойки и поспешила его занять. Бармен взглянул на меня и незамедлительно возник рядом.

– Минералки? – спросил он без намека на иронию. Я подумала и решила, что не худо бы принять что-нибудь покрепче для бодрости, и заказала коктейль. Взгляд мой упал на телефонный аппарат слева от стойки.

– От вас можно позвонить? – спросила я бармена.

– Пожалуйста, – кивнул он.

Я машинально огляделась. Похоже, до меня никому нет дела. Я протянула руку, в то же мгновение рядом возник молодой человек, на губах его блуждала улыбка, но выражение глаз решительно с ней не гармонировало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.